

Третье интервью с Бушуевой Анжелиной Владимировной

Интервью взято Робертом Латыповым 2 октября 2004 года

Роберт: Для начала такие... просто дежурные слова. Сегодня у нас двадцать девятое...

Бушуева: Двадцать восьмое.

Двадцать восьмое апреля две тысячи шестого года. Мы в офисе «Мемориала». Хорошо. Представьтесь, пожалуйста.

Ангелина Владимировна Бушуева.

Ангелина Владимировна, а когда вы родились?

Дату или просто год рождения?

И дату, и год рождения.

Девятнадцатого марта 1936 года *(нрзб)*

И это хорошо. Мы уже два раза беседовали, и у меня возникли кое-какие вопросы. На самом деле, Ангелина Владимировна, с вами интересно общаться. У вас просто очень хорошая память, и вы очень общительны. Поэтому Вы вспоминаете все: даты, *(нрзб)*.

(нрзб)

Ничего страшного, всё нормально. Я хотел бы в этом интервью побольше поговорить с Вами о послевоенном периоде. То есть, тот период, который Вы уже...

В сорок шестом году мы приехали сюда.

Да-да. Ну, который уже более-менее хорошо помните. Потому что Вам уже было... Сколько?

Десять.

Десять лет.

Война закончилась, ага.

И вот от этого периода ну, где-то до смерти Сталина. 1953 год. До 1955 года. То есть вот этот послевоенный период. Потому что когда раньше с вами говорили, то там есть какие-то прорехи. Там Вы упоминали о нём, а вот так конкретно по этому периоду, мы не поговорили.

Так.

Когда Ваша семья... То есть, когда вы с мамой приехали в Пермь?

Мы приехали перед Новым годом, в 1946 года. Или в Новый год. Я точно сейчас уже не помню, где мы Новый год встречали. Дорогой, по-моему, или дома здесь. Не помню уже.

То есть, зимой 1946?

Зимой, в 1946 году.

Это 1945-46 год? То есть, вот этот Новый год имеется в виду?

Да. Новый год, сорок шестой. Видимо его дорогой встретили или здесь, точно не помню. Приехали мы из Казахстана сюда. После Дня Победы в 1945 году уже люди начали уезжать, потому что они были... На поселении уже жили, за зоной, за колючей проволокой здесь и работали. И вот в 1945 году уже многие стали уезжать. Мы уехали, ну, в серединке так людей.

Скажите, пожалуйста, после освобождения из лагеря Ваша мама осталась на спецпоселении, то есть, она там была до того периода, пока шла война. То есть, это было такое условие, или что?

Нет, они же там без права выезда...

Без права выезда?

Конечно!

То есть, когда закончилась война, это право выезда она получила?

Да. Да.

Всё понятно.

Без проживания в большом областном городе. Без права проживания в областном городе. Куда ехать?

Но вы всё равно приехали в Пермь?..

Приехали в Пермь...

Потому что это была родина, да?

Угу.

И... Помните вообще сам момент, когда приехали в Пермь?

Когда приехали... Этот самый момент я не помню уже. Самый момент... Как мы доехали, как дошли, как что... Но я только помню что, где мы поселились вот. Мы же... Когда уезжала я, бабушка нас увозила, мы жили в большой комнате. А тут мы приехали в ма-аленькую комнату. Бабушке пришлось поменять, ну, в этой же квартире коммунальной – мы жили на Советской (улице – прим.) 77, то есть на Пушкина 77, где сейчас остановка. (Прзб) сейчас всё ещё стоит. Вот наша комната была здесь большая квадратная, когда я... когда мы уезжали к маме, это был 1943 год. Да? А вот в 1946 году приехали, бабушка переселилась напротив, в такую малюсенькую комнату.

Например, в которой мы сейчас находимся?

Да, вот такая совсем небольшая. Кровать была...

Сколько по площади – восемь, одиннадцать квадратных метров?

Ну, может одиннадцать. Шесть, три... Ну, маленькая... Вот я тебе объясню. Вот так от стенки до стенки (*показывает*) стояла кровать, к ней впритык ещё одна кровать, тоже, уже впритык, буквой «Г», однако ноги с головой или там ноги с ногами сделали. Так? Посрединке стоял стол, стул, рядом с кроватью стул.

Вы можете это все зарисовать?

Конечно. Теперь опять стул и опять кровать. Вот три кровати, и все, и выход.

Это вот интересно просто, как выглядела комната в коммунальной квартире?

И шифоньер стоял.

А вот можете Вы это зарисовать, как это выглядело? Можно на весь лист, пожалуйста.

Подожди, вот так вот я тебе... (*Рисует*) Примерно так вот, это – комната. Так? Здесь окно.

Рисуйте.

Такое окно небольшое. Это стена.

А что, оно от пола прямо было, окно?

Нет, конечно. (*Смеется*) Конечно, нет. Ну, тут стол, тут стол стоял. Так?

Возле окна стоял стол.

Да, стоял стол.

А какой он был, круглый или прямоугольный?

Прямоугольный.

Квадратный, да был?

Квадратный старый стол. Старинный. Тут стул. (*Рисует*) Видишь, понял?

Да, да.

Тут тоже стоял стул, ну как бы так, да?

Так.

Здесь, вот тут, кровать. Тут кровать такая.

С железными спинками, да?

С железными конечно, кровати все железные...

С Сатурнами такими раньше были.

Как она... Не так нарисовала, вот так надо нарисовать.

Да-да-да.

Вот так вот. Кровать.

Так, кровать.

Тут снова кровать, тоже такая же, полудетская.

А кто в ней спал?

Я. Я заболела сразу, как приехали. Поэтому я, наверное, плохо и помню. Такая небольшая полудетская кровать стояла. Да? Тут дверь, выход.

Хорошо, здесь кровать, здесь полудетская... А здесь что? Что вот в этом пространстве комнаты?

А тут уже никакого пространства не было. Тут снова кровать, вот тут вот, снова кровать. Тут окно ещё такое, заколоченное окно.

То есть у вас была угловая квартира... комната в доме?

Да. Вот тут снова кровать. Вот так вот, да?

Одна кровать?

Да. Большая. Тут окно вот так вот. Оно заколоченное, и у него были... подоконник. Мы на этой кровати все вчетвером спали. Мама, сестра, я и брат. Значит, вот тут вот...

Одновременно, что ли?

Одновременно. А больше как? Никак. Вот слушай, сколько нас жило. А тут дверь вот сразу. (*Показывает*). Вот тут вот стена. Вот она такая комната-то. Где-то стоял шифоньер. Гардероб назывался. Вот он там, наверное, вот здесь вот между дверью... И вот тут вот, видимо, стоял.

А если вот сверху посмотреть? (рисую периметр комнаты). Вот такая вот комната. Вот, скажем, здесь вход.

Да.

Как стояло здесь все?

Вот давай. Не тут вход, вот здесь вот. (*Рисует*). Вот, по-моему, вот здесь вот... Вот тут вот, наверно, вход. Тут, наверно, стоял шифоньер. Это гардероб, старинный гардероб назывался. Тут сразу же кровать. К нему впритык, вот тут чуть-чуть дверца открывалась и всё. Впритык вот так вот. Да? Тут подоконник. Тот самый, у которого спали. Тут стул. Как его нарисовать-то? Вот стул такой, да? Тут стол сразу же. Такой вот он, небольшой. Вместе со шкафом. (*нрзб*) Тут вот окно сразу. Вот окно со стулом вместе. Тут снова стул. Снова стул... Так, тут снова кровать. Вот так вот кровать. И здесь кровать.

Маленькая кроватка.

Здесь кровать. Впритык вот это всё было.

То есть, три кровати было в этой комнатухе? А между кроватями что-то здесь стояло?

Да ничего. Знаешь, как было? Вот так вот кровать, вот так вот кровать-то была, да? И вот так вот кровать, понимаешь? Вот она как была.

А здесь вход, то есть у самого входа?

У самых дверей. Вот немножко вот сюда подальше надо нарисовать, да. Вот тут, ну, как-то вот кровать-то тут... Вот поуже, что ли, она, квартира-то. Потому что кровать стояла и к ней вот-вот... (*Показывает*). Я тебе говорю, (*нрзб*).

Я понял. В комнате было два стула...

Два стула.

Один большой шкаф-гардероб, Вы говорили, и три кровати: две большие и одна маленькая? Или одна большая была всё-таки здесь?

Ну, вот эта вот широкая большая больше, а та такая... Вдвоём там дядя Толя, мамин брат, с женой, ещё ребенок родился.

У них?

Да. Маленький.

И тоже вместе с ними?..

С ними вместе, они вместе все спали.

И вот теперь скажите. В сорок шестом году, зимой Вы очутились в этой комнатухе. Сколько человек вас там жило?

Бабушка, дядя Толя, тетя Валя, Галка родилась, в сорок шестом году она летом...

Эта девочка... Так, четыре уже. Дальше.

И нас четверо.

И вас четверо.

Восемь человек.

Восемь человек?

Восемь. Ну, потом с Галей, значит, восемь. Ну, пока семь. Пока семь, значит, было.

Каким образом все умещались-то?

А вот так и спали. Мы все вчетвером спали здесь. Значит двое...

Ваша семья, значит: мама...

Мама, брат и сестра.

И Неля, да? И Вы... То есть, вы вчетвером спали на одной кровати?

Все вместе, да.

Хорошо, бабушка где спала?

Бабушка... А вот она вот... когда я не болела, она спала вот здесь вот. *(Показывает)*. Вот в этой маленькой комнатке, да. Маленькой кроватке. Дядя Толя с тетей Валею тут. Все. *(Смеется)*.

Ужас какой!

Ужас, ужас! Это кошмар! Как мы жили? Как мы выжили, не знаю! *(Смеется)*. Это чудо было.

Объясните мне, пожалуйста, почему была такая маленькая комнатка?

Потому что нечем было... Нечем было затапливать, видимо, бабушке во время войны. Она сразу, как нас привезла в Казахстан... Ей же там не разрешалось долго жить, видимо. Она уехала обратно сюда.

Тогда же в сорок третьем?

Да, в сорок третьем. Дядя Толя, он мамин брат, как это... Бабушкины сыновья с ней жили. Они ещё молодые были. Они, значит, работали как военные. Дядя Толя водил поезд.

Поезда... Машинистом был?

Машинистом. Водил туда... Раненых привозил. Дядя Витя был электриком и какой-то казначей. Поездили по...

Инкассатором?

Да. По районам. *(Ты)* правильно говорил, инкассатор. Вот. Он ездил по районам. Вот, они жили втроём, в большой комнате. Потом, видимо... Потом, я не знаю почему, но бабушка говорит, поменяла квартиру, потому что нечем было отапливать комнату. Дрова забыли... Мы же покупали дрова на рынке. Дрова стоили, вязанка... Я вообще в сорок шестом году это помню, меня постоянно заставляли. Вязанка...

Что заставляли, покупать дрова?

Да, бегать за дровами, потому что я училась во вторую смену, и с утра, значит, на рынок идёшь, а рынок был на месте политехнического (института – *прим. Р. Л.*), тут же близко – квартал, мы по крышам ходили. Вязанка дров стоила три рубля и пять рублей. Пять рублей – это сухие и хорошие дрова. А три рубля... Ну, столько же шесть-пять поленьев, но посырее. Вот какие деньги были. Какие деньги есть, три рубля – купишь за три. Нету пяти рублей, значит, покупай за три.

А вот для эквивалента просто. Сколько примерно пять рублей, что можно было за три и за пять рублей купить? В 1946-47 году?

(Вздыхает). А ничего. Карточная система же была. Её отменили в сорок шестом году.

Ну, всё-таки, хлеб сколько стоил? Вот даже по карточкам, всё равно же он... покупали.

Не знаю. Не помню. Я знаю что, когда отменили карточки, то буханка хлеба стоила 150 рублей. Сто пятьдесят рублей. Буханка хлеба. И деньги же тогда, по-моему, отменили. Карточки отменили, и деньги поменяли. И деньги стали сразу... Много денег стало. А там

было поменьше денег, да? Ну, вот ещё что. Мороженое стоило 5 копеек, это я помню хорошо. Конфетка стоила почему-то 15 копеек. Конфетка самодельная, на рынке продавала у нас, ездила на коляске инвалид, и она дома делала конфеты и продавала по 15 копеек.

Ну, леденцы сосательные такие, да?

Это типа лукума.

Петушки там, да?

Нет-нет-нет. Подушечка, маленькая подушечка, маленькая, вот как сахар сейчас маленький. Вот такая конфетка (*показывает*), полосатенькие были конфетки... Не представляешь даже такие конфетки?

Нет, я по-моему видел, подушечки. Они так и назывались.

Ну... Ну, они только были самодельные.

Там повидло внутри, да, наверно? Нет?

Ничего, да ты что! Обыкновенный сахар, вот.

Прессованный.

Конечно. Да. Вкусная такая конфетка. Без повидла.

Понятно. Всё-таки по поводу дров. А вот, вот в этой квартире, в коммунальной, там сколько семей ещё жило? Вот вместе с вашей...

Напротив жила семья, они поменялись с нами.

Вот в вашей комнате, да, большой?

Да. Из маленькой. Да. Мать с сыном.

Что, вдвоем жили в большой комнате?

Вдвоём. В большой поменяли, видимо, им что-то удачно вышло. По-моему из неё к ним... Или она замуж вышла? Кто-то ещё с ней ещё жил. Видимо, мужчина, да?

А как фамилия? Не помните?

Крестьянникова. Теперь, здесь жили Петуховы. В такой же точно квартире, их очень много жило.

В комнате, Вы имеете в виду?

В такой же комнате, ну да, комната такая. Большой, такой же квадратной. Значит, там их... Петуховы мать, отец, бабушка, Толька, Алька – мы так называли друг друга, и Миля – шесть человек. А ещё Валера родился у них. Вот сколько их было.

То есть, это такие... Молодая семья? Ну, не очень пожилая?

Ну, ровесники с мамой. Мы ровесники все, дети. Мы все ровесники. Теперь напротив жили дядя Миша, нет, уже не было... Мамина сестра с сыном жили. Там малюсенькая комнатка тоже.

Такая же, как у вас была?

Да даже ещё поменьше. Ещё меньше. Там вообще стояла большая кровать, Геркина кровать, сундук и стол, всё, больше ничего там не было. Даже шифоньера не было.

Понятно. И это всё?

Всё.

То есть, и эта вот квартира...

Вся, на четверых. Четыре семьи.

Четыре семьи жило?

Да.

И вообще вот этот дом на Пушкина 77, он полностью был коммунальным?

Жактовский. Жактовский, да.

Что такое Жактовский?

Жилищно-коммунальное... Как... ЖАКТ назывался.

Товарищество или что?

А... Как... Я не знаю как. Жактовский, как он. Ну, ЖЭК иначе.

То есть в доме...

Он муниципальный дом. Ну, сейчас говорят «муниципальный».

Хорошо. И он коммунальный был?

Весь коммунальный. Какой коммунальный?

Ой!.. Это, м-м...

Воды не было, печки топили дровами. Печка была в кухне. Вот общий коридор такой между комнатами, и стояла русская печка. Вот это на русской печке все по очереди готовили. Могли. Печку топили по воскресеньям, и готовили, видимо на всю неделю, что ли? Я не знаю почему. Маленькие печурки были. Вот в каждой квартире были маленькие... Правильно, маленькие вот печурки, помню.

Да, но в вашей комнате, вот Вы рисовали, печки не было.

Нет, у нас нет. Она снаружи...

То есть, вот кухня, и где была печка?

Вот тут вот дверь (*показывает*). Вот тут выходишь, и вот тут сразу русская печка стояла, русская. И тут вот маленький подтопок. Подтопок и плита, а там русская печка, знаешь, она такая вот, вот. А тут вот плита. Так вот эту плиту-то мы...

А была русская печь или голландская печь?

Русская.

Русская, да?

Русская. Русская печь (*нрзб*). Ну, натуральная русская печь. Большая такая, её белили все. Вот, а тут вот к ней как бы вот... Русская она, да? Она как бы в нише туда, да? Ну, это бывает около... Как тебе печку объяснить? Шесток называется. Шесток к печке. А там дальше вот это вот закрывается, вот это вот. Так вот этот шесток вот так вот был поделен, и вот здесь вот были конфорочки. И вот это назывался подтопок. Вот этот подтопок мы и топили. Вот этот подтопок и отапливал нашу комнату, понимаешь? Вот в этой квартире напротив, комнате, они из комнаты топили. У них там своя плита была. Плиточка была такая же, да? У Петуховских я не помню плиты. Не помню...

Но печь на квартиру была одна, и семьи все готовили на ней, да? Вот все четыре семьи?

Да. Но не вот в этом подтопке, подтопок был наш только, а готовили вот в этой русской печке. Вот если когда в воскресенье все начинают топить, и все вот тут готовят все в ней.

Я вот что хотел узнать. Вот Вас все время... Вы часто ходили за дровами. То есть, надо было как, вы по очереди топили печку в этой квартире?

Нашу мы сами топили. Отапливали. Она холодная была очень, квартира эта. Она на север окном, окнами на север, и тут ещё боковое было заколочено. Наша вот комнатка была холодной.

Это вам постоянно приходилось топить, да?

Каждый день. Я однажды истопила, мы с братом остались вдвоём, мама говорит: «истопите печку, сварите уху», там рыба какая-то была. «А как, бабушка, уху варить?» Я тебе рассказывала. А пока, говорит, глаза не побелеют, пусть она варится, а я и бегаю в зеркало смотрюсь.

Свои глаза?

Но! Они у меня не белеют. Ну, глупая какая была, да? (*Смеется*). В третьем классе училась я и такая глупая была.

И что случилось с рыбой?

Ну, рыба разварилась, получилось... желе, что ли? Холодец. Так. А дрова в печке...

Ну, её куда не выкинули ведь, да?

Да конечно нет, ты что! Есть нечего было. Ну вот. Хохотали, конечно, весь дом хохотал. И что-то никого взрослых не было, и я никого не спросила, вот такая самостоятельная была. Как это я не приготовлю уху? Подумаешь, глаза побелеют, видно будет. Ну вот, такая смешная была. А печку...

Однажды нас заставили тоже печку топить с братом. Мы пошли, купили дров, честь по чести, пять поленьев, всё. И по полешке... Полешко горит, мы его растопим там

чем-то лучинки да что... Лучины делали, всегда было полено сухое, и лучинник: такой нож был толстый. Знаешь лучинники-ножи? Вот этим лучинником лучину, лучиной разжигашь печку. Полено положишь... Два полена мы с ним положили. Два полена горят. Мы по полену кладем – ни тепла, ничего нет. Все дрова сгорели. Ну, и мне оставшимся... Мы еще сэкономили одно полено. Мы четыре полена истопили. Мама пришла: «Печку истопили?». «Истопили». «Как? Хорошо истопили?» «Хорошо. Вот полено сэкономили». Вот этим поленом мне и досталось. (*Смеется*). Я сидела на скамейке, ноги поджала. Бабушка... А мама по табуретке этим поленом: «Я тебе сейчас вот этим поленом сэкономленным! Как ты печку топила?!»

А, то есть, очень холодно, да?

Конечно. Дрова сгорели, а тепла нет. Вода не skipела даже. Мы такие были...

Интересно, ваша обязанность с братиком входило то, что вы должны были кипятить воду, натопить печку, вскипятить воду, для того, чтобы потом можно было что-то готовить.

Как только кто-то пришёл с работы, хочет чаю попить. Чай-то пили с хлебом с солью. Угли... А вот ещё что. Топили дровами, для того, чтобы были угли, углями потом кипятили самовар. И пили чай из самовара, делали кашу-заваруху. Мука была какая-то, ржаная, что ли? Знаешь кашу-заваруху, не пробовал никогда?

Нет, но Вы рассказывали, так что...

Ну вот. Вот эту кашу, вот поэтому чтобы были угли. А какие тут угли будут, если мы так вот истопили печку? (*нрзб*) Однажды ещё... Я тоже рассказывала случай, да? Брата одного оставили дома, почему-то никого не было. Так он печку хорошо истопил. И угли выгреб. Такая была банка, закрывалась она наглухо. И туда угли клали, и угли затухали там. И сохранялись большие хорошие угли для самовара. А мы тесали (*нрзб*)... Это уже после лета, после 1946 года, видимо, к 1947 году летом. Он ещё маленький тоже был, на два года меня моложе. Он выгреб угли, и мы тесали цыплят. Купили цыплят, чтобы подкормить цыплят, а потом хоть мясо будет. Надо ж было как-то восстанавливать силы-то. И вот эти цыплята, шесть цыплят, у нас были. Они в деревянной коробке тут стояли у окна на кухне, напротив русской печки. Он выгреб угли-то и в этом поставил на цыплятник. (*Говорит грустно*) Все цыплята-то сгорели у него. Все спеклись. Ох, реву-то было! На весь дом. И ушел в школу, во вторую смену. И оставил так угли. Кто-то пришел из взрослых, видимо, увидел, что там такое творится: цыплята-то уже горят. Коробка... Ну, она фанера, фанера, видимо, легкая была. Такие коробки раньше были. Ну, все прогорело, и... Такая штука получилась. Страшно? (*Смеется*)

Да нет, не страшно. Здорово, что помните об этом. Вот про квартиру понятно.

Это ты спрашиваешь зачем, как жили люди в то время?

Да, мне хотелось бы просто представить бытовые такие условия, то есть вот дом. А вот, кстати, интересно, что в квартире на стенах было?

Эти стены беленые были, не обои. Стены были беленые, ковров не было. А чтобы не белились, вот к этой стенке вот у дяди Вити ситцевая такая... Коврик из ситца делали раньше. Покупался какой-нибудь ситец или старые юбки распарывали, старинные, отглаживали, сшивали и на гвоздиках вот эти коврики были.

А зачем...

Чтобы не белилась стена, когда спали. Одеядло же белится, ну, чтоб не пачкать. Я уже работала в Соликамске, и у меня тоже был... Мне дали комнату там, в бараке, и я себе такие два коврика сделала, для кровати у меня были, потому что ко мне попросилась учительница из школы, и мы вместе с ней жили. Так вот, я купила два ситцевых таких куска, у меня были ситцевые коврики. Потом, когда я уехала из Соликамска и сюда приехала, я из этих ковриков себе платье сшила. Да, вот такие были... Ситцевые платья. У меня фотография есть, красивая фотография, платьишко красивое.

А какие-то портреты, фотографии?..

Были. Вот, когда мы жили в большой комнате, были, висели портреты. Висели портреты бабушкиных детей (*показывает*). Значит, мамин, ее сестры и другой сестры, и какой-то вот еще один портрет здесь висел, я не помню. Меня уже многие спрашивали: «А что за портрет-то тут висел?» Вот я не помню. Там был мамин портрет, здесь тети Нины и тети Сани, маминой дочери. А сыновья-то с бабушкой жили. А вот какой портрет тут висел, я не помню.

А в маленькой комнате?

А в маленькой комнате уже никаких портретов не было, были только две бабушкины фотографии. Они были...

Ну, они в оправках были, или как?

...Вот на этой стенке. Нет. Они, знаешь, большие фотографии, вот такие большие, общие, она же учительница у нас была. Вот были... Висели... Вот были две фотографии какие, вот слушай, большие. Бабушкина была фотография, вторая была парад Первого мая. Вот на этой фотографии был отец. Он шел... Вот так вот идет парад (*показывает*), он там, там.

Внутри этой... колонны?

Да, колонны. За колонной, он идет, колонну ведёт, как... Ну, как... Командует, да? И только его голова была, но мелко-мелко-мелко, даже ничего не рассмотришь. Единственная была фотография.

Это Вам сказали, что там отец есть?

Да, вот бабушка говорит: «Вон ваш отец, самый-то длинный». Два метра ж он был.

И эта фотография не сохранилась?

Не сохранилась. Куда делись, не знаю, фотографии те. И бабушкиных фотографий нет. Она там... Учителя, какой это был семинар или съезд, не знаю, может, ленинизация (*нрзб*).

Вот это дореволюционные ещё?

Нет, в наше советское время. Она как-то ездила ещё до войны. Ездила в Ленинград, там какой-то был съезд учителей. И вот это вот, видимо фотография вот так... Красивая фотография была, интересная...

Но не в рамках? Просто она...

Нет, она... Большая фотография на твердом картоне, на красивом картоне, приклеена и оформлена рамкой. Ну, ни пленки, ничего нет, конечно. Вот такие фотографии две были.

А что в комнате ещё было? Ну, вот радиоприемник был, например?

Радио – тарелка.

Тарелочка, да? А где она висела?

Висела сбоку, вот здесь вот.

Где гардероб был?

Вот где-то тут вот, (*показывает*) между кроватью вот тут вот. Между окном и вот этим гардеробом тут.

Радио постоянно было у вас включено?

Нет, выключали его. Выключали. А выключали... там такая вот... Винтик был, винтик.

А вообще вот радио часто слушали в семье?

Слушали. Я все время слушала, я лично. «Пионерская зорька» (радиопередача для детей) была. Я всегда слушала эту «Пионерскую зорьку», потом я слушала концерты, какие-то песенные концерты были, я очень любила песни, например «партизан Железняк». Как-то ещё вот в третьем же классе...

Про партизана Железняк?

Да. Помнишь эту песню? Немножко слышал?

Ну, да.

Степан Железняк. Он где-то там... Такая старинная песня. Ну и вот. И однажды бабушка тоже говорит: «И мне тоже нравится эта песня». Бабушка. И вдруг эту песню поют. Я возьми да выключи. Ну, дура была! Выключила радио и кричу: «Бабушка!» А она на кухне сидела. «Идем, Степан поет!» Степан песню уже поет. Она включила: «Ну что ж ты – говорит – выключила-то?» (*Смеется*). Смешные мы были. Радио... Думаю, включишь потом – снова эта же песня будет.

Вот вас жило восемь человек, Вы сейчас сказали. Это когда Вы приехали?

Когда мы приехали, значит, семеро нас было. Потом Галя родилась. Летом, летом она родилась.

И сколько вы жили вот в такой?..

Нас так... Мы ещё год жили. Ещё вот этот сорок седьмой год мы прожили весь.

То есть, 1946 год и 1947? Два года?

Да.

Почти два года.

Полтора. Ну, в Новый год мы приехали. Полтора.

А потом?

А потом дядя Толя с тетей Валея... Она из деревни, жена его, из деревни. Там, видимо, какие-то деньги подсобрали, что-то подзаработали – ну, он же железнодорожник был, то есть, зарплаты у них хорошие были. Они купили маленький домик. Знаешь, где? Как это объяснить? Вот река. На вокзал Пермь II ехать по Большевикской, тут вот луг, Пловский назывался. На Пловском. Там река... Не знаешь ты тут Пловского, да?

Нет.

Там сейчас что у нас?..

Ну, это к Данилихе? Это река Данилиха?

Данилиха. Ну да, вот-вот, на Данилихе...

Там есть частный сектор, я знаю.

Ещё немножко остался, чуть-чуть есть.

Вот там где-то?

Да. Вот тут они и купили, над самой речкой. Над самой речкой купили маленький домик. Буквально, стояла только кровать, стол, и тоже два стула у них, и, как бы, сеночки (небольшая прихожая – *прим. Р. Л.*) такие, и все. Вот такую квартирку они себе купили.

Ну, там наверное огородик, видимо, был ещё...

Да, маленький-маленький, ну что там огородик ещё... Картошку сажали, правильно, только гряда, была одна гряда. Картошку ходили в речке мыли, в речке. В речке воду брали, такая была чистая вода. Купались в этой речке (Данилихе). Я не большая ростом была. Галя росла, мы с Галей туда ходили, на эту речку, картошку помоем и покупаемся.

То есть вот в 1947 года они переехали, да? И, то есть, у вас трое человек уже...

То есть, вы уже лучше жили?

Да, мы уже жили...

А мама тоже (*нрзб*)? Она же уехала, она же была...

Нет, она же потом уехала. Подожди.

То есть, она два года с вами всё-таки жила, несмотря на запрет?

Да, даже больше мы жили. Она уехала... Так, сейчас посчитаем. Я в пятый класс... Я ведь на второй год осталась в пятом классе.

Да-да, Вы говорили... (*нрзб*)

Так вот, считай. Третий класс я закончила, четвертый класс закончила, пятый – год прошёл.

Три года уже, да.

Вот три года прошло, ну, два с половиной. Так? И вот мы должны снова пойти в пятый класс. Это уже шестой класс, это уже четвертый год как пойдёт. Осень... Летом ведь, ну, в конце... В сентябре, видимо, они переехали, потому что мы после ноябрьских

праздников, брат за нами приехал, ещё пароходы ходили. Значит, до праздников. Пароходы ещё ходили, до Добрянки ещё только можно паромом было доехать.

Это уже 1948 или 1949?

1948, значит.

И вы переехали...

В Добрянку (город в Пермской области – прим. Р.Л.).

В Добрянский район, в Никулино, да?

Да.

А мама, она...

Вот она вот уехала вот, там оформилась, устроилась, квартиру наняла, всё, и послала брата за нами. За нами – за Нелей и за мной.

Подождите, брата какого?

Да моего Славку, брата. Младший который.

Он маленький же ещё был?

Десять лет ему было.

То есть, она с ним сначала уехала?

Да. Да, она с ним уехала, они там устроились, потом она его отправила. Боюра у нас там был, возчик. Я рассказывала, возчик был Боюра. Боюра его до Добрянки довёз на лошади, на паром его посадил, он на пароходе к нам приехал. Пришёл за нами, и мы поехали.

Собрали вещи...

Да какие там вещи, узлы...

Вещей-то не было.

Узлы какие-то... Узлы собрали.

Теперь, бабушка уже осталась одна?

Одна осталась. Бабушка осталась одна, да, в этой комнатке. Но у нас было... Несчастье же получилось. Тетя Нина рядом жила, мамина сестра, как, с сыном, с братом. Тут же...

Тут же она в маленькой комнатке?

Та, та которая. У неё, значит, её муж, дядя Миша... Это Коноваловы были. Он работал на Свердловском заводе. И во время войны, там же работали днями и ночами, с ума сошёл от этой перенагрузки, и недельку поболел и умер. Вот. И они остались вдвоем. И тётке Нине надо как-то зарабатывать деньги-то, сына-то кормить. Она ушла куда-то работать. Это я не знаю сейчас, где.

Это во время войны или уже после войны?

После войны. Да, это в 1946... А он-то умер во время войны. И вот во время войны, дядя Миша-то умер, тётка Нина куда-то устроилась на работу. Где она работала, убей, не знаю. Ну, тоже что-то там получилось. Потом дядя Толя Гладких у неё был друг. Партийный такой, у нас всё в партшколе работал, преподавал Гладких, дядя Толя. Вот он рассказывал, горевал очень. И тётку Нину кто-то «подставил». Короче говоря, её посадили в тюрьму.

Даже так?

Да, даже так. Герка остался как сирота.

Это в каком году её посадили?

Это был уже... Так он... Ему было четырнадцать лет, его взяли в ремесленное. Давай сообразим. Он меня на год старше, а мне было двенадцать. Это мы значит уехали... В 1949-ом.

То есть, Вы уже были в Никулино?

Да, мы были уже в Никулино.

И потом узнали, что...

Да, вот такое несчастье, да. Ну и вот, это же Пушкина, улица Пушкина. Тут недалеко был рынок колхозный. Тут рядом тюрьма. Ну, в общем, шпаны у нас было

много. На этих улицах. А парень четырнадцати-тринадцати лет, там они начинают курить, начинают хулиганить.

Пить...

Ну, может быть и пить. И бабушке пришлось отсюда уехать. Вот эту квартиру она поменяла. Из-за Герки. И переехала на...

Так, я не понял, почему она поменяла? То есть, Герка начал кого-то приводить что ли, да? Или что?

Ну, хулиганить начал, ну, чтобы меньше встречался с друзьями, чтобы не встречаться с этими ребятами, бабушке пришлось квартиру поменять.

А Герка-то там остался?

Нет, она его с собой взяла. Конечно. Бабушка поменяла вот эти две комнатки, свою и её. Это раньше можно было поменять. Его комнату и свою, и нашу комнатку вот эту поменяла и уехала за ЦУМ (центральный универсальный магазин г. Перми – прим. Р. Л.) на Коммунистическую. Там большую комнату они выменяли. Вот они там вдвоем жили. И Неля наша из Никулино уехала сюда к бабушке. Бабушка ж учительница была, Неля хуже училась, чем я, и бабушка её взяла с собой. Вот она, значит, жила с двумя внуками вот уже здесь, в 1949 году.

А тётя Нина? Что потом с ней случилось?

А тётя Нина всё отсидела честь по чести, вернулась, приехала. Здесь жила она, тут же на Советской.

То есть, вы уже отдельно?

Нет, вместе мы жили все. Ну, бабушка, тетя Нина и Герка жили вместе. Потом я поступила в училище, сестра приехала, поступила работать. Мы все вместе жили. Опять все вместе жили.

Это какие года?

Это вот уже 1951 год. Да, в 1951 году я закончила школу.

И Вы поступили в педучилище?

Да, в педучилище поступила, сестра на работу поступила на кондитерскую фабрику, она рядом, тут же с ЦУМом была. Герка работал уже на Свердловском заводе, всё, ремесленное окончил. Вот мы тут.

То есть, вы опять...

И опять мы жили. И опять эту большую комнатку опять поменяли на маленькую, и опять в маленькой комнатке опять мы жили. Бабушка, тетя Нина, я...

А почему вы поменяли большую комнату на маленькую?

А она выходила окнами на улицу. Да опять же из-за Герки. И пацаны... Девчонки начали за ним бегать, он красивый у нас был, на гитаре играл. Ну и вот вечером, как вечер, так начинают в окна кричать: «Гера, выйди! Гера, выйди! Гера! Гера!»

Ну и что, из-за этого надо менять квартиру?

Поменяли комнату. Чтобы не стучали, не мешали спать бабушке.

Так через некоторое время ведь снова...

Нет, а тут во двор уже не заходили. Они уж... Никто видимо не знал, где мы жили.

И он не говорил?

Нет, видимо. Ага. Видимо, запретили ему. Потом мать-то вышла из тюрьмы. Она уже строго его держала, тетя Нина. А тут рядом у нас соседка артистка жила. Я не помню её фамилию. Она в оперном пела как раз. Она его научила играть на гитаре. Меня учила, да толку не хватило.

Давайте вернемся к тому времени, вот когда вы вернулись, когда еще жили на...

На Советской... На Пушкина.

На Пушкина 77. Маме было запрещено жить в областном городе, в областном центре.

Да.

Получилось так, что, по-моему, два с половиной года, как Вы сказали, она всё-таки, несмотря ни на что, жила вместе с вами там?

Тайно, да.

Как? Там же, Вы говорили, милиция приходила?

Да.

Милиция приходила?

Да.

Сколько раз приходила милиция?

Ну, раза три была.

Раза три?

Раза три приходили.

Это при Вас было?

При мне.

И что говорили?

Ну, говорили, что «на каком основании Вы тут проживаете?», «Ваши документы», проверяли. И, видимо, говорили маме, чтобы она выехала. Ну, всё.

И что мама отвечала?

Никуда её не забирали. Но, она выезжала просто, уходила, её нет. Приходила милиция проверить – её нет, она тут не живёт, уехала. «Куда уехала?» «В район, устраиваться». Всё.

Ну, соседи не «закладывали», то есть, всё проходило нормально?

Так она не спала. Она не спала дома. Она спала на работе. Она не появлялась, и соседи её не видели.

Но вы говорите, что вот вместе спали?

Ну да, пока можно было, пока милиция не приходила, все. Потом проходило какое-то время, забывала милиция, и всё, мама опять дома.

Мама снова возвращалась.

Снова дома спали, вместе.

То есть, так два с половиной года.

Да.

И мама куда устроилась вот на этот срок, она работала где?

«Горкоопинстрахкасса» называлась.

Как-как?

«Гор-кооп-ин-страх-касса».

Страховая?..

Гор – Городская, горкоо – кооперативная, горкоопин... Какая-то, какой-то промышленности страхкасса. Страховая касса.

И она бухгалтером работала?

Бухгалтером.

Бухгалтером. А что, вот её приняли на работу так? Всё равно ведь документы?

Принимали по знакомым.

По знакомству?

Да, только по знакомым. Но она хороший была, видимо, бухгалтер, её ценили.

То есть, закрывали глаза на то, что у неё там в паспорте значилось, что она не имеет... Там же штамп?

(нрзб) Паспорт был... Мама, когда мы поменяли паспорта, обмен паспортов был. Она говорит: «Наконец-то я избавилась»... Я когда паспорт-то принесла её, сходила за паспортами...

Да-да, Вы рассказывали, что там никакой отметки не было.

Нет, такой отметки больше нет. Какая-то отметка специальная была в паспорте. Ксерокса ж не было, жалко, а то бы сфотографировали.

Вот эти вот сороковые годы. Всё, я теперь понял, как вы жили.

Представил?

Да, я представил. Точнее, вот я представил, сколько людей жило в комнате...

И как там жили. Кошмар!

Ну, вот я сейчас хочу вот это вот, кстати, уточнить. Вот мне интересно вот, давайте, вот по каким-то таким деталям. Продукты. Вот надо было покупать какие-то продукты.

Ну, видимо, покупали. Я помню, что мы по карточкам покупали ещё. Когда приехали, ещё была карточная система. Её же отменили – я не помню, в 1947?

В 1947 году. Да, её отменили в 1947.

Вот. А карточки у нас были, маме карточку тоже давали. Карточку, видимо, давали на работе. А, сейчас вспомнила! Сейчас деталь вспомнила: чтобы карточку дали рабочую, чтоб побольше получать, мама устроила на работу ещё Нелю, сестру, к себе туда в Горкоопинстрахкассу. Её как бы устроили посыльной, рассыльной она была.

Но она же маленькая ещё...

Ну и что! Ну, рассыльная она. Она на два года меня старше. Двенадцать лет ей было, двенадцать.

Двенадцать лет!

Но рассыльной-то она могла работать.

И она работала?

Да! Ну, носила письма там, получала почту. Кого-то где-то известить, к кому-то сходить. Вот такое.

Так. И что?

Давали карточку побольше. Как бы рабочая карточка.

Это давали на Нелю или на Вас?

На Нелю и на маму. Две рабочие карточки у нас были. И две детские карточки.

На Вас и на Геру? А, на Павла, да?

На брата, да, на Славу, да.

Да, да.

Вот. У бабушки была рабочая карточка, она всё ещё работала в школе.

В школе?

В школе работала. Вот бабушка и мы питались как бы вместе. Дядя Толя... Да все вместе тогда питались, и дядя Толя, и тётя Валя – все вместе мы питались.

Вот вы же жили в одной комнате?

Да. Значит, у нас было... раз, две, три... четыре рабочих карточки.

Как это по количеству продуктов тогда? То есть что можно было тогда купить на карточку?

По-моему, давали... Буханку нам давали хлеба ржаного на всех. Я помню, что мы покупали буханку...

Всё то, что Вы рассказываете, безусловно, здорово!

Ребята из «Молодой гвардии» тоже расспрашивали. Семьдесят лет этому... району нашему.

Ну!

Ну, тоже расспрашивали, как жили во время войны. Когда война началась.

Четыре рабочих продуктовых карточки.

Да.

И это было достаточно много или...

Хорошо было.

Как это хорошо?

Хорошо было. В каком смысле хорошо было? Сейчас вспомню! Суп варили, суп ели. Картошку покупали на рынке. Картошку, трудно было, да. А суп ели... Из чего суп ели? Не знаю. Я заболела. У меня было подозрение...

Это когда уже приехали?

Да. Ну, мы же приехали все малярники. Малярня там же была. Мы же все болели малярией. Особенно сильно Неля болела, но у неё как-то не отразилось ни на что. А у меня почему-то отразилось это на легкие. И было подозрение, что у меня туберкулез легких. Меня сразу поставили на учёт в этот туберкулезный диспансер, он здесь был, на Большевистской. Карла Маркса и Большевистская, вот. И я ходила, и мне давали обеды. Мы ходили с банками, с кастрюльками, мне наливали супу, давали второго и рыбий жир давали, на целый месяц бутылку рыбьего жира. И вот у нас, значит, была картошка, у нас почему-то была мука, вот эта ржаная.

А почему вы удивляетесь: «почему-то»?

Я не знаю, откуда она была. Я не знаю. По карточкам это не давали. Не давали по карточкам это.

Видимо, где-то на рынке покупали?

Видимо, каким-то образом. Ну, наверное, знаешь, покупали продукты, их обменивали. Было такое. Ходили за молоком на рынок. Моя обязанность была ходить на рынок за молоком. Молоко покупали... По-моему, тоже три рубля было.

А это как, там просто вот на рынке, взяли бидончики?..

Нет, не так. Да, частные, да кто-то. Ну, привозили в бидонах с деревни откуда-нибудь.

И Вы в свой бидончик переливали, да?

В очереди стояли с бидонами, там наливали, да. Такие мерки были, литровые, железные. Не видал никогда?

Нет.

Железная такая банка, железная и такая длинная ручка.

С ручкой? Да-да. Но это частники привозили, это не государственное было?

Я не знаю. Нет, наверно, это государство было. По-моему, это государственное молоко было. Колхозы, видимо, привозили, колхозы. Конечно, государственное. Частников же не было тогда. Частного никакого же не было. Привозили. И очереди были большие, довольно очень большие очереди. Однажды я даже без сознания упала.

Вы упали?

Да.

Почему?

А не знаю, я, наверно, такая дохлая была.

Голодная?

Ну, может быть голодная, может дохлая, может... Не знаю что.

Это зимой, летом случилось?

Ни зима, ни лето. А что-то такое было, какая-то погода такая хорошая была. По-моему, у меня пальто легкое... У меня не пальто было – Нелькино старое ещё детское пальтишко такое.

А как вы думаете, вот сразу после войны, Вы говорили, вообще 1947 самый голодный год был.

1946, 1947, 1948 – это самые голодные годы были. Даже мы в деревню приехали в 1949 году, тоже было трудно очень. Да. До пятьдесят... Считай, до 1950 года мы голодом жили.

Расшифруйте мне понятие «самый голодный год». Это что значит? Что Вы ели?

Ну вот, трудно было. Голодные. Мы всё время были голодные. Нам все время хотелось есть. Никогда не хватало хлеба.

Вы говорили, что (нрзб) карточек...

Да, но хлеба не хватало.

Постоянно, да?

Не хватало хлеба. Потому что помню, что хлеб всегда делили: вот этот кусок тому-то, этот тому-то, этот тому-то, и вот оставались вот такие... Крошки, какие-нибудь,

довески, так мы всегда смотрели, кому с довеском достанется? «А мне с довеском!» «А мне без довеска!» «А мне корочку!» «А мне с довеском!» Вот так вот хохотали. Ну, хохотали, не хохотали, не знаю. Пряников не было, белого хлеба не было, хлеб был ржаной сырой. Он всегда был сырой, как глина, тяжелый. Почему-то мы только буханку всегда покупали хлеба.

В день?

Ну вот, мы ходили с карточками, нас – Неля, я, Слава, наша обязанность была отovarивать. Буханку хлеба нам давали и небольшой привесочек. Дай-ка я соображу, наверно, два килограмма сто грамм.

Он, говорят, тяжелый был. Тяжелая форма была, тяжелый хлеб был, да.

Такая буханка была, и такой кусок. И такой вот, как бы, от ломтя полкуса вот нам. Вот это я помню, что вот это полкуса-то мы идём дорогой, разделим, съедем.

Это разрешали вам?

Разрешали. Ну, разрешали не разрешали, голодные ходили. Есть охота, хлебом пахнет (*смеется*).

Кроме хлеба, что ещё покупали по карточкам?

Ну вот, покупали, давали... Я даже не знаю, что давали. Крупа была, помню точно, что крупа была. Масло, наверно, давали, сахар, соль, спички. Это всё было в карточках, да. Потом, что? Спички сэкономили, помню. Когда в уголь заглядывали, нет ли там огонька? Когда уголь гасили...

Чтобы (*нрзб*) спичку не использовать?

Да.

А, вот эти все нормы, это все военного времени, да?

Да.

То есть, после войны...

Ничего не добавляли.

Вот, в 1947, говорят, карточки отменили?

Поменяли... Карточки отменили, и всё. И стало всё коммерческое. Цены стали коммерческие, назывались. И деньги стали уже сотнями считать. И вот буханка хлеба на рынке стоила 150 рублей. Но можно было купить и белый за 150.

Но при этом, вот Вы говорите, в принципе мало поменялось, то есть, все равно это тяжелый голодный... Или всё-таки полегче стало?

Ну, полегче что стало? Появились пряники. Можно было выстоять очередь, купить пряники. И мы ели ржаной хлеб, пряники делили на три части, вот так (*показывает*) вот, вдоль пряника, и ели, как это называется, «торт» делали себе. Шутили, ну, чтоб вкусно было. Суп варили, помню хорошо, что суп почему-то варили. Суп мы тоже ели: сначала съешь бульон, оставляешь гушу – это второе. Вот так мы ели. С супом, с бульоном съешь хлеб, а второе ешь уже без хлеба. Кашу-заваруху зачем заваривали? Чтобы доесть, чем-нибудь напитаться, вечером, по-моему. Я приду из школы, если бабушка дома, она мне быстренько заварит чашку каши-заварухи. А сахар-то был. Или солью, или сахарком посыплет. Только посыплет чуть-чуть, не так, чтобы сладко, нет. Вот это я съем, чай выпью. Чай какой-то заваривали, из морковки заваривали чай, сухая морковка была. Не было фамильного чая, это была вообще редкость – фамильный чай. Бабушка...

Что такое фамильный чай?

Ну, вот это хороший чай, листовой, фамильный назывался чай.

А почему?

А почему-то я не знаю, фамильные чаи были, и назывался «фамильный чай».

А так был морковный чай?

Морковный, там... Ну, что пришлось заваривали. Когда корочку хлебную ржаную, сухарик заваривали в чай. Травки какие-то, вот когда травы появились.

Я почему спрашиваю? Потому что я иногда слышу о том, что вот в 1947 году отменили карточки и вот стало, вроде бы, значительно легче жить.

Легче стало жить, у кого деньги были. У кого, кто зарабатывал деньги, у кого были деньги. А у нас же было четверо, а у мамы оклад был 600 рублей.

Это маленький, да?

Конечно! На троих 600 рублей, это буханка хлеба стоит 150 рублей.

Но Вы ведь говорили, там с дядей Толей?

Так дядя Толя потом ведь женился. Ну, он женился на тете Вале, и они же уехали в 1947 году летом. Ну, он, конечно, нас подкармливал. Помню, что вот дядя Витя, дядя Толя когда... Дядя Витя тоже женился, у него была семья, и у них был огород. И они вот жили там, где сейчас я живу. Это Слободка была, назывался район. Китайские домики там были. У них огород был, вот они нам подкидывали картошки иногда. Это уже в 1948-1949 гг.

А сколько раз в день питались? Примерно?

Ну вот, в школу... Было ещё какао почему-то. Откуда-то был какао-порошок. Я помню, что мама всегда заваривала утром какао и уходила на работу: «Выпейте, выпейте!» Я его и до сих пор не терплю, это какао.

Не любите?

Нет. Мне надоело с тех пор.

С детства, да?

Да. Вот это какао...

Вот Вы какао попили, а потом?

Да. И кусочек хлеба какой-нибудь. Всё.

А днём?

А днём вот приходишь, вот бабушка эту заваруху сделает, потом все приходят. У нас традиция была. Обедали тогда, когда все приходили, все собирались за столом. Вот тогда ели суп, тогда вот доедали этот хлеб и пили чай.

Ну, это уже вечером? Это уже был ужин скорее?

Ну, это уже вечером, часов в шесть-семь. Вот так вот, вечером, да.

А как все за столом собирались, если стол такой маленький?

Очень хорошо сидели.

Но маленький же стол?

Маленький.

Маленький стол, и он в углу стоит...

Не в углу, а посередине. Посередине.

То есть, выдвигался он на середину?

Ничего не выдвигалось. Вот тут кто-нибудь сидел (*показывает*), тут кто-нибудь. А, табуретки были.

Ещё табуретки были?

А табуретки... Куда табуретки-то ставили?

Вот. Под стол?

Где-то стояли табуретки. У порога стояла табуретка. Под кроватью. Кровати же были. Кровати же были...

Они что, высокие?

Они же железные были. Под кровати всё можно же было подставить. Да.

Понятно. Зато ведь всё равно все собирались.

Стол-то был вот шкафом. Вот стол-то кухонный, сейчас вот кухонные столы. Вот этот стол был у нас здесь, в этой маленькой комнате. А того большого стола... видимо, бабушка продала, который из большой комнаты был, старинный стол красивый. Конечно, всё продавали.

То есть, несмотря на то, что...

Меняли, ходили на рынок. Помню, что мама... Ездили куда-то на поезде вот за мылом, на электричках... Мама всё Славку с собой...

Это было в послевоенные годы, да?

Да, вот это вот... когда мы сюда приехали, да. Мыла-то не было. За мылом ездили на электричках, на поездах на проходных... Электричек, по-моему, тогда ещё не было. На проходных поездах.

Были, были. В 1944 году пустили ветку «Пермь-Кунгур». Я помню по курсу истории.

Это Кунгур – сюда. А они – куда-то туда, в сторону Верещагино ездили. И где-то по пути, по дороге выпрыгивали. На ходу поезда выпрыгивали и где-то там в деревнях покупали мыло. Причём «шмонали» (обыскивали – прим. Р. Л.). Милиция ходила. Не разрешали это делать. Так они – как мама делала: мама привязывала сюда себе простынь... (смеётся)

На пояс привязывала какую-то простынь?

Да, да, и сюда мыла напихает. И сверху юбка. И всё, так-то уж не шмонали, а в сумках только рылись.

Почему не разрешалось, мыла если нет?

Люди ездили, мыло покупали, потом им спекулировали, продавали подороже, понимаешь?

Это для того, чтоб предотвратить спекуляцию?

Да, видимо. Ну вот, мама купит много, видимо, мыла – оно, видимо, там дешёвое – и тоже, видимо, продавала.

Чтобы что-то можно было купить, да?

Да. Одеть нечего у нас было. Мы же ходили в одних... одни галоши на троих были...

Да, Вы говорили...

И мама шила (нрзб) И мы по очереди ходили в школу. Почему мы и остались на второй год – потому что тогда была графа «Отсутствие» – сколько не посетил. Что там набиралось больше четверти – всё, на второй год. Такие дела.

А мама когда ездила? То есть это, видимо, в выходные?

Конечно, в выходные.

А выходных сколько было дней тогда?

Один.

Один день, воскресенье?

Воскресенье, да.

То есть шесть дней в неделю работали, а воскресенье? Вот как воскресенье тратили люди?

Стирали, ходили в баню. Очередь занимали специально. Вот приходишь из школы, тебя заставляют: «Сегодня твоя очередь в бане занимать очередь».

А в баню надо долго сидеть, да, ждать?

Что ты! Часами стояли, часа по три стояли. Бани были... Обжигалки, как это называется... Печи такие... Вши же были, вшей же много было тогда. Вот заходишь в баню, когда уже проходишь туда, где мыться, сдаёшь – вот такая была... Баня была на Пушкина... тьфу, на Комсомольском проспекте, сейчас тут какое-то кафе построили. Между Луначарской и Пушкина. Не помню сейчас-то здание бани. Но его недавно сломали. Двухэтажное серое такое здание, там прачечная была потом. Так вот в эту баню мы ходили. Очередь была на улице, занимали очередь на семьи, на соседей, на всех.

А на Пушкина тоже, да, баня?

Между Пушкина и Луначарского по Комсомольскому проспекту, на той стороне.

Но на Пушкина есть ведь сейчас баня?

Так это та...

Это уже современная такая?

Нет. Та тоже была баня, та была баня хорошая, дорогая баня.

А, поэтому Вы туда не ходили?

Нет, тоже ходили, но там, я не знаю почему, не нравилось нам. Мы почему-то всегда в эту – поближе домой, видимо. Чтобы не замёрзнуть. Вот. Так на всех занимали очередь. Все потом к тебе приходят. Проходишь туда, раздеваешься и всё бельё сдаёшь.

Чтобы обработать от вшей?

Обжиг, да... Я не знаю, как эти печи назывались. Вот такие печи.

Чтобы убивать вшей, да?

Ну да, чтобы продезинфицировать эту одежду. Потом, мыла-то не было. Кто-то стирал, кто-то не стирал. Вот. Потом из бани выходишь... Мы, я помню, что чистое одевали только нижнее бельё и чулки. Чистое. Остальное всё одевали вот это прожаренное бельё. Потом получали это прожаренное бельё, тут же одевались... Всё. Так и жили. Нормально...

А как мылись-то тогда? То есть если мыла не было...

А, знаешь, как смешно было? Ни мочалок, ни мыла, ничего же не было. Вот мочалка, мочало... я не знаю, почему мочала-то не было. Ну, видимо, лыко это вот не привозили, оно тоже дорогое было. Это мочалки... Вот и ходили в баню. Вот заходишь, если оставляешь обмылок, к тебе уже тут очередь: «Вы не отдадите этот обмылок?» Или вот смотришь: есть где-то обмылки? На окнах специально люди оставляли обмылки. Прямо на этом, на диване... Ну, не диваны, а такие скамейки. На скамейке оставляли обмылки. Обмылки собирала эта... банщица. Давала. Зачастую – я уже училась в училище, приходила в баню на Ленинской, мылись в той бане... Придёшь – мыла нету же. Спросишь у банщицы: «Есть у вас обмылочек?» – «Есть, на, иди мойся!». Всё – идёшь мыться. Но мочалки мама не разрешала брать чужие нам. Так мы мылись – вот снимешь с себя нижнее бельё и трусиками, лифчиками, маечками. Не разрешалось тоже: увидят. Но всё равно все стирали там и мыли там, в бане. Горячей же воды не было, все же печки топили.

Поэтому только в бане и можно было сделать (нрзб)?

Да. Нижнее бельё уж там люди всегда стирали втихаря.

Или вот воскресенье мама тратила на то, чтоб куда-то съездить, допустим?

Да, да, сходить на рынок.

То есть это была такая своеобразная школа выживания?

Именно, только выживания. Выжили люди только благодаря тому, что вот все такие были. Все такие были, и зависти не было никакой.

Насчёт зависти я не знаю, но...

Ну, может, и было, но завидовали кому? Вот завидовали большим семьям, у которых были мужики дома. Вот они зарабатывали, мужики. А если мужиков не было, то это было плохо. У кого отцы были – те все были счастливые. Все были одеты хорошо, все были сытые, у всех мясом пахло. А у нас (*смеётся*) косточками. Такое дело.

Про традиционную кухню я понял, а вот праздничная кухня – она чем-то отличалась?

Да. В праздник все начинали стряпать. Стряпали шаньги, стряпали рыбные пироги. Но это уж не такое было застолье, что вот там много. Ну, например, один пирог на лист. Один пирог. Или рыбный пирог. Если есть картошка, то шаньги. Тоже листа два стряпают шаньги. Лист – лист, который в духовку ставится, вот такой.

Ну, в печку, да? В печку.

Да. Дальше, что стряпали? Капустный пирог стряпали. Пельмени делали из редьки, из капусты, из картошки. Очень вкусные пельмени.

Но не из мяса?

Ну, мясо, конечно, было редко. Это редко. Если мясо, так это какой-то праздник, видимо. Наверное, на дни рождения. Так особо дни рождения никто не справлял. Вот сейчас я соображаю, это, видимо, на даты на какие-то стряпались мясные пироги.

Ну, например, какие даты?

Ну, я думаю, что дни рождения, больше ничего.

А, ну это не было, например, Первое мая?

На Первое мая, на Седьмое ноября обязательно стряпалось. На Новый год обязательно стряпалось – вот эти даты. А на выходные дни изредка, конечно. Но бабушка старалась каждый выходной день что-нибудь состряпать. Хотя из ржаной муки – чем-то нас подкормить.

То есть вот эти дни – они как-то так отпечатывались в памяти именно тем, что там что-то вкусненькое было, да?

Да, да. Пироги жарили на рыбьем жире. У нас... мы же были богатые рыбным жиром. Раз мне давали рыбий жир, у нас был жир. Идешь – далеко слышно запах рыбьего жира: «А, у нас начали пироги жарить!». Или картошку жарить. Если есть картошка, то картошку жарили на рыбьем жире. Рыбий жир, какао до сих пор терпеть не могу (*смеётся*). А может, мне давали какао. Может быть, мне давали, вот как туберкулезной, да? Видимо, подкармливали меня вот этим...

А в школе как-то подкармливали?

В школе – да, было.

Это бесплатно или надо было платить?

Бесплатно, бесплатно было. Давали ржаной хлеб и песок сахарный. Посыпался кусок ржаного хлеба песочком – ложечка, чайная ложечка...

Чай, наверное, да, был?

Да чай – я не помню, чтоб был чай – кипяток. Может быть, кипяток давали. Но чашек у нас не было ни у кого никаких. Я знаю, что во время большой перемены нам раздавали этот хлеб. Кусок хлеба с сахаром мы тогда съедали.

То есть это был как обед, получается, да?

Ну как – большая перемена... ну да, типа обеда, да...

Вы ведь учились во вторую смену, да?

Да, во вторую смену я училась всё время.

Понятно. А вот по поводу...

Иногда, по-моему, вот вместо песка давали по какой-нибудь конфетке. Такие, знаешь, были конфеты типа помадки. Такие были конфеты. Кусочек сахара иногда был, кусочек. Тоже было вкусно.

А сами как-то пытались – ну, я не знаю, ну как-то подработать – вот даже дети?

А где? Да, мы летом коз гоняли. Вот с 1946, значит, 1947 год, лето. У нас брат какой-то был такой, проныра. Ему доверили коз. Коз держали. Начали же люди держать коз.

Разрешили держать мелкий скот, да?

Да, да. Козы, козы в городе были. Вот собирали коз по нашей улице и гоняли – вот сейчас кладбище где, да? Вот это вот Южное кладбище – вот тут была гора, были тут овощехранилища какие-то городские – совхоз там, что ли, какой-то был. Вот эти овощехранилища были внизу. Ну и потом эти Красные казармы там – тоже у них что-то всё было в земле – а сверху же гора. И вот на этой горе – там лес, уже сразу лес был – ну и вот, мы туда и гоняли коз. Вот он утром угонит коз, а вечером я из школы прихожу... Вот он что и пропускал, наверное, школу-то, не сидел, ему неохота было учиться. Ну и мы шли его встречали. И коз-то уже вместе домой гнали. Ну, потому что с молоком – страшно ведь, кто-нибудь отберёт. Но вообще-то не было такого хулиганства, чтоб отбирали. Воры не залезали, воров не было. Редко-редко кто, услышишь, что, вот, вор стучал в окошко, кто-то залезал. Это очень редкое было явление. Двери почти не закрывались. У нас не было замков, ключей же не было.

То есть в комнату дверь всегда была открыта?

Всегда открыта была, ключей не было. Ну, она была прикрыта, прикрыта – и всё. Там заглянут – есть кто? А что воровать-то было? Нечего воровать.

Но всё равно какие-то продукты ведь всё равно же были.

Ну, продукты тоже – но это уж не рылись... Мы уж тут вот жили, так вот тётя Нина работала, она хорошо зарабатывала, видимо. Я не помню, где-то она то ли в больнице работала, то ли где. Герка сытый всегда был. Петуховские – они тоже сытые, Крестьянниковы сытые. Тётя Нина, Маруся, тётя Нюра? Я забыла, как мать-то звали... Серафима, тётя Сима! Она тоже работала, они с хлебом были.

Но вот приехали Вы с мамой – как семья-то, сплотившись всё равно?

Наша?

Да.

Да, мы дружная очень семья была. У нас вообще родня вся дружная. До самой маминой смерти.

Но Вы говорите, что мама-то обычно не рассказывала про лагерь, она ничего такого...

Молчали, молчали...

Может быть, они без Вас просто, наверное, какие-то вещи говорили?

Конечно, наверное, взрослым, потому что болтушка я же была. Бабушка мне всё время говорила: «Держи язык за зубами!». Чтобы не болтать нигде. На улице ничего... Я же рассказывала, как я подралась-то в детстве?

Да-да-да.

До войны-то, вот! Потому что я, видимо, что-то сказала, меня стали дразнить. А раз меня дразнить стали, я и свистнула (т. е. ударила – прим. Р. Л.). Вот поэтому бабушка и запрещала нам говорить что-нибудь, и нас наказывали за это. Чтобы мы не болтали.

Но в школе какой-то дискриминации-то не было?

А в школе мы тоже не говорили об этом никогда. Никогда... Да даже на заводе уже работала, и то никому не говорила. Никому никогда слова не произносила, вот только когда создался «Мемориал» и когда я уже ушла... «Что ты всё куда-то бегаешь, всё куда-то ты торопишься после работы?» Мы же... Я ещё работала, я в 1992 году только вышла на пенсию, а, считай, с 1989 года я уже начала... это... бегать.

В «Мемориале», да?

Так вот, уйду с завода... «Куда это ты всё бегаешь, что за общественные работы?» «Ладно, – говорю, – вам, не всё ли равно?» Вот так, не говорила. А потом уже, когда вот гласность-то стала, сказала, что я из «Мемориала», так меня стал... Там у нас есть Ермишин, так он меня всё: «Демократ!». Демократом обзывает: «Ну как, демократ, дела?»

А он такой партийный, да?

Да, член партии, военный он, ветеран войны.

С какой-то иронией, да?

Ну, немножко с такой чисто с иронией: «Как, демократ, там дела в демократии?»

Понятно.

Такие дела. А так никому никогда не говорили. Считай, до восьмидесятилетия маминого молчали. Маме семьдесят лет исполнилось уже в 1986 году. Вот только когда сказали первый раз.

Вот город Пермь после войны? Город Пермь...

Хороший был город.

Хороший был город?

Да нам нравился. Город был маленький, небольшой, компактный, всё мы знали, где что...

Вот Вы всё равно когда уезжали в 1943 году и когда приехали в сорок шестом – город значительно изменился или нет? Всё-таки, когда Вы уехали, война шла.

Нет, он совсем не изменился, город... Потому что я тогда была маленькой ещё, да? Я ещё не очень-то видела, но по своим улицам – вот по своим улицам он ничего не изменился. Такие же деревянные тротуары остались, те же колонки были. Дрова так же покупали. Но вот до войны жили хорошо. Я хочу сказать, что...

Но Вы говорили о том, что, вот, например, когда Вы ещё до отъезда...

До войны, да.

...что, например, Комсомольский проспект, был полностью засажен картошкой...

Да, да, да, сразу после войны, да.

А когда вернулись, это сохранилось?

Нет!

Этого уже не было?

Этого не было уже. Уже Комсомольский проспект – поставили... деревянные были загородочки такие зелёные, коротенькие.

Палисаднички?

Палисаднички. Загородили Комсомольский проспект.

Где аллея, да?

Да. До... до... ну вот сейчас вот Пермэнерго. До Пермэнерго. А там уже были сплошные лужи. Грязь, лужи, там не пройдёшь. Там потом этот посёлок вот, Красновский – как он, Краснова, да?

Да-да-да.

Так там вот частные дома, почему-то приехали... много из деревни приехало. Там разросся этот район, он же был как бы загород. За Горьковским садом загород был. Потом, значит, мы в 1946 году... там уже получилась деревня. Там уже деревенские дома с палисадниками, с геранями. Потом разрослась эта слободка, куда дядя Витя переехал. Дом купили они тут. Тут китайские круглые дома стояли.

Город разрастался, да?

Да, да, начал расти, да. Большой уже стал.

А вот что повлияло на рост Перми – то, что люди из деревень приезжали, эвакуированные были?

Эвакуированные оставались. Заводы-то ведь остались. Часть-то заводов уехала, а сами-то заводы всё-таки остались. По-моему, мне кажется, так.

А когда вот исчезли какие-то... Ну, вот война закончилась, но всё равно ведь люди, например... что-то вот, какие-то элементы войны... вот что ещё война вот не так давно была, вот они ещё оставались. Ну, вот, например, люди ходили в гимнастёрках, да?

Да, в галифе.

Вот это до какого времени продолжалось? Плакаты висели с войны, плакаты, лозунги про войну?

В квартирах висели, вот у нас кухня... ну как кухня, назывался коридор сейчас по-нашему (*нрзб*)... У нас висели... вот так вот окно (*показывает*), а тут два простеночка... вот тут стол стоял у этой квартиры, когда мы в этой квартире жили... большой такой стол-то, вот этот, который... вот этот. Стол стоял тут. Над ним висела... плакат висел. Мать, вот эта мать с ребёнком. «Что ты сделал для матери?»... для войны ли, там что-то такое на плакате. Ну, увидишь... помнишь. Мать с ребёнком на руках. А с этой стороны тоже висел какой-то плакат. Тоже типа военный. «Что ты сделал...» Там солдаты какие-то, вот такое что-то было. Ну и что ещё...

А по городу так же вот висели многие плакаты?

Да. Машин мало было в городе.

Машин мало?

Машин вообще же не было, были только трёхтонки и пятитонки. Грузовые. И вот иногда проходили вот эти несколько машин. Машины две-три были... как она называлась тогда, машина-то...

Легковые? «Виллисы»?

Легковая серая машина такая высококоньякая. Как же они назывались?

«Победа», может?

«Победа». «Победа», а вторая... Ещё одна машина была.

Ну, наши, советские машины, да?

Не знаю, наверное. «Победа» и ещё какая-то одна машина была.

Это какого-то руководящего состава, наверное.

Ну да, наверное, вот, предприятий или начальников, да. Потом что – вот дом Солдатова был огороженный на этом... на Газеты Звезда. Он тут ведь жил.

Ну, у нас ведь город Пермь, он ведь был...

Красивый дом был.

...он ведь от войны не пострадал...

Нет.

...даже, наверное, может быть, что-то появилось новое в городе Перми?

Ну, новых домов я не помню. Новых домов не было, но вот единственно... появился вот этот солдатковский дом огороженный. Красиво, мы всё ходили любовались.

Дом офицеров.

И Дом офицеров. Да, построенный...

Там написано было 1943 год.

В 1943 году построили уже. Вот, Дом офицеров появился, площади тут не было такой. Этих проспектов... Они попозднее появились уже. Эти на Карла Маркса (название улицы – *прим. Р.Л.*) проспекты. (*Нрзб*)

То есть, большого строительства, как такового, не было, да?

Нет. Вот большие дома были вот дома чекистов напротив Горьковского сада, дома чекистов.

Дома или дом?

Там же несколько домов. Дома чекистов назывались. Ну, дом чекистов, дома чекистов, кто как называл. Потом семиэтажка, вот эта гостиница на Советской и Карла Маркса. За медицинским...

А это «Центральная», да? Гостиница «Центральная»?

«Центральная» она? «Центральная». Ну, что ещё тут? Всё. Были вот красивые дома, вот Оперный театр. Драмтеатр вот этот сделали на Большевикской, сейчас ТЮЗ (театр юного зрителя – *прим. Р. Л.*). Тут был дом пионеров во время войны. А потом его сделали театром.

Вам, я так понял, нравился город Пермь, исходя из того, что Вы приехали из Казахстана, из таких... глубинки, там, вообще, спецпоселения, и тут попали в город, ну, цивилизация, да?

Конечно.

Я уж не говорю о том, что...

Вода. Там же не было воды, и у нас там с водой было плохо, в Казахстане.

То есть, Вам поэтому и казалось, что жить в Перми гораздо интересней.

Конечно.

Несмотря на то, что голодно и холодно там.

Ну, потом, было же много детей кругом. И у нас были большие компании. Как-то дружно вот раньше дети жили. Дворами мы дружили. Вот у нас было три двора. Мы все... Вот 77, 75 и 79 дом. Вот эти три двора, мы дружили. Все дети тут. Мы играли. У нас были общие игры. У нас же было очень много игр. Поэтому нам, детям, тут было весело, хорошо жить. Пусть и голод. Мы и не замечали, что мы голодные. Травы какой-нибудь наешься, нашлепаешь травы. На липу залезем, и вот эти шарики липовые, наедемся их. Вкусно.

А потом плохо не было?

Да всяко бывало. Нет, вообще-то такого не было, чтобы люди болели от этого. От всяких желудочно-кишечных, не было. Потом, жмыху... Мальчишки бегали на этот... на конный завод, жмыху этого воровали через заборы. Жмыху принесут, конечно, плитку целую, разделим все вместе. Сидим до ночи, сказки рассказываем на поленницах.

Поленницы дров стали появляться. Вот бревна, привезут бревна. Длинные – видимо, не пилят их.

Сразу на дом привозили, или на...

Нет, это кто-нибудь из квартир, да. Кто богатый, кто хорошо жили. У нас, значит, здание... Во дворе был дом, я считала, что в этом доме жили какие-то... Там евреи жили, Либерманы. Потом еще какие-то там. Они все хорошо жили. Потом, вот, подружка моя, Эля. В подвале, правда, они жили, но они хорошо жили. У неё отец был. Он работал мастером по ремонту всяких приборов, машин да чего да. Тоже хорошо жили они.

А ветераны? Вот возвращались ведь, возвращались ведь кто-то с войны?

С войны мы никого... я не видела таких, у нас во дворе таких людей, чтобы пришли с войны, мы не видели.

А почему?

Так я не знаю. Не знаю их. Вот я их не знала.

Но вот там ведь... вы говорите о том, что у кого-то были отцы и так далее – у них что, была «бронь»?

Они так и были – видимо, видимо, была «бронь».

Была «бронь», да...

У дяди Миши была «бронь», у дяди... как его звали-то? Петуховская, я уж забыла... у него тоже была «бронь». Дядя Вася, у него тоже была, видимо, «бронь». У Крестьянников не было отца. Дядя Рафаил – он молодой был сравнительно. Он, по-моему, на войну тоже не ходил ещё по возрасту. Там Либерманы – они вообще... евреи – они же не воевали, их не брали, наверное, на войну. Потом там был у нас, жил в нашем же дворе, жил – футбольной командой командовал, я не помню, как у него фамилия – такой интересный, красивый мужик был. Вот... футболист – он тоже на войне не был. Теперь кто... а тут рядом, в семьдесят пятом, в семьдесят третьем жили... артисты в основном жили из Оперного театра там.

Но вообще были люди, которые были на войне?

Я не видела таких.

А вообще? То есть они может в школу приходили там или...

Нет, мы ни встречи не устраивали, ничего такого не было у нас.

Даже так? То есть тогда такого не было ещё, когда приходят в школу...?

Традиции не было такой, нет. Мы просто вот...

А как люди узнавали о войне – только из центральных...

Из литературы, да.

Из литературы, из центральных газет?

Радио, газеты. Радио, газеты, да, да.

(нрзб)

(нрзб) там стихи – Маршак, по-моему, начал печататься, да, во время войны? Симонов?

Симонов, да.

Вот, помню, мы... учителя читали нам эти стихи. Потом что-то мы читали... выступали же мы много. Рассказы, какие-то стихи всё. Ну, всякие концерты, сборы были пионерские.

Вот я почему спрашиваю про людей, которые... Ну вот, может, эвакуированные были...

Вот в деревне даже, вот в Никулино мы приехали – я и то не помню там, чтобы солдаты были. Чтобы с войны кто-то пришёл. Я не помню ни одного военного, чтобы с фронта кто-то пришёл. У всех погибли на фронтах. У всех погибли, да. Мы когда приехали в Никулино, там из мужиков-то были... Лапти плёл один. Вот жил тут, на этой улице. Потом жили кулаки – мы их обзывали кулаками. Жили муж с женой, двухэтажный дом у них был. И всё мужиков-то, и всё молодые парни – вот с мамой ровесники, они работали. Так они не на войне были, они не воевали. Они моложе мамы были, работали с

ней в ОРСе. Начальник ОРСа был – он тоже, по-моему, из... Сироткин, откуда он? Вот он, наверное, военный. Вот он, наверное, с фронта пришёл, он был начальником ОРСа. Мама работала в ОРСе. Вот он – да, вот он ходил в военной форме. Вот только он один. Черемных... тут ещё был один у этой, у Веры – как она, Нефёдова, что ли, Вера? – у неё отец был, так он был какой-то... тряся. Может быть, он вот с войны пришёл. Я его в гимнастёрке никогда не видела.

А вот гимнастёрка, вообще военная одежда вот, говорят, была, ну, вообще распространённой.

Гимнастёрки, да, шинели. Из шинели шили пальтишки, продавали. Из гимнастёрок шили... А у нас же форма была. Мы же в школах в формах ходили. Девичья форма, а парни, по-моему, без формы ходили. У мальчишек не было формы, она позднее появилась. А у девчонок у нас... школы-то были отдельные. Я когда отсюда уехала в деревню, я ещё из женской школы уехала. Потом школы-то соединили в каком году? Наверное, в сорок седьмом уже только. После нашего отъезда уже. Значит, в сорок восьмом году только школы объединили. Школы были – отдельное обучение было: мальчики отдельно, девочки отдельно учились. Девочки все ходили в формах. Или синяя, или коричневая форма была у нас.

А вообще, форма – она вот... униформа, да, если так говорить? она и в школе была, униформа, и люди, в принципе... Ведь я так понял, что если практически рынка не было, в магазинах практически ничего достать нельзя...

Рынок был, колхозный рынок. Продавали вещи старые. Обменивали вещи, можно было. Вот собирали, например, вот если наши бурки износились, мама их починила... Они в каком смысле: малы стали нам... Вот их, значит, починила мама и пошла их продала. На это что-то купила. Галоши резиной подклеили, маленькие галошки, – пошли, продали, купили побольше. Вот так вот делали. Потом давали нам бирки в школе. Вот мне давали: как хорошо я училась, дали бирку...

На одежду какую-то?

Да, на эту бирку вот она купила наволочку, из наволочки сшила мне ситцевое платье. Помню, в сорок седьмом году летом... что-то она нам даже выменяла летом... трусы. Мы в трусах бегали. Лето жаркое было.

Бегали в трусах, что ли?

Голые не бегали, в платьицах всё ходили, а тут могли даже одеть трусы. Трусы были какие: какое-нибудь барахло, рвань. Ну, а тут вдруг хорошие трусы появились, и мы бегали в трусах во дворе. Играли голые, но в трусах.

То есть одежда – она вообще была очень дорогой в плане даже не то, что по деньгам...

Не было, в смысле, не было...

Её не было?

Да, просто не было. Перешивали...

Поэтому одежда дорогой была в плане того, что её сложно было и достать-то...

Да, да. Старьё продавали на рынке всё. Ну, кто – у кого кто-то погиб, у кого кто-то уехал, оставляли вот... Командировочные оставляли, то есть эти – эвакуированные оставляли свои вещи. У кого это было – те ходили, продавали. На рынке много продавали.

Я помню, что толкучка... она же толкучкой и называлась, что народу не пройти было.

А это где Центральный рынок, да, сейчас – там?

Да, да, там была толкучка.

Толкучка, да?

А колхозный рынок был вот на Луначарской. Луначарская, Комсомольский проспект, Куйбышева и Большевикская – вот этот квартал весь был колхозный рынок.

А как власти – нормально реагировали? То есть они эти толкучки не разбирали? Примирились просто?

Были «шмоны», как говорят, чистки. Знаешь, раньше было – с милицией было лучше. «Моя милиция меня бережёт!» – вот именно эта была фраза.

Что она означала?

Вот слушай. Были участковые. Вот у нас на квартале был участковый. Он следил за порядком. Он знал всех – кто работает, кто не работает. Вот к маме «шмон» устраивали, что мама... увидят её, кто-нибудь ему скажет, что Бушуева живёт – вот, придёт. Он всех знал. Он всегда знал, всю шпану знали, всех мальчишек. Приводили – нахулиганил...

К нему?

К нему ли? Да нет, не к нему.

Или он приходил?

Он приводил. Приведёт за шкирочку, возьмёт и приведёт, вот нахулиганил что-нибудь, так. Или вот он знал парней вот таких. Я не знаю, как-то нормально мы жили.

И поэтому он как бы защищал, или что?

Да, он знал всех, да, он знал всех, кто чем занимается, кто что делает. И потом, мы даже вот эти свистки милицейские если где... Ребята же нас ведь всех защищали, наши ребята. Наш квартал. И если слышишь свисток – ага, где-то там что-то за дворами случилось! Что-то случилось – свистит. Или вот нам говорили ребята, что вот – как свистеть: два пальца в рот затолкаешь, язык зажмёшь, и получается (*звукоподражание*) такой свисток милицейский. Если что случится, так свисти.

Тогда придут на помощь, да?

Ну, конечно, сразу. Это милицейский свисток, и он сразу же слышит. Откуда он слышит, где он? Видимо, вот этот его квартал...

И он там жил?

Он и жил, он и обхаживал его, и всё. Было как-то насчёт этого не очень страшно. Но хулиганство, конечно, было. Вот, говорят, вот на перекрёстке Куйбышева и Пушкина тут вечно то раздевали, то отбирали кошелек, то ещё что-нибудь.

А хулиганство было прежде всего потому что...

Ну, дрались пацаны.

Это от безотцовщины, да?

Да, я считаю, что так. От беспризорничества. Мы же что – в школе отучимся, придём, дома родителей никого нет, мы чем хотим, тем занимаемся. Мальчишки ведь всякие были. И кто-то хорошо себя вёл, а кто-то плохо. Кто хорошо себя вёл, тот дома сидел, книжки читал, уроки учил. Выходил только вечером поиграть со всеми вместе.

А у Вас вот среди подруг...

А дворы были все... Ворота были. Во всех дворах были ворота.

Зачем?

А я не знаю. За воротами все... да вот: стоял дом, ещё дом – между домами ворота были. Ворота были проездные, когда открывались, большие ворота, если там лошадь, ими всё дрова привозили, – они закрывались изнутри, – и маленькие воротца, в которые все люди входили. И как-то так получалось, что мимо дома идёт кто-то: ага, кто-то посторонний идёт! (*нрзб*) к нам вот вор зашёл! – быстренько кто-нибудь выскакивает: кто это во двор зашёл, нехороший? Кто-то чужой! Или нищий, или ещё кто... Нищим обычно выносили, что-нибудь подадут. И на ночь как-то двери тоже прикрывали, ворота. Весь город был такой, с воротами. В старых (*нрзб*) видел?

Да, но это осталось от старого времени, да? То есть это ещё дореволюционное?

Да, да.

Дом-то ведь у Вас дореволюционный был?

Да, дореволюционный дом. Чей был, не знаю.

А кто до этого жил, не знаете?

Мама когда приехала, я же рассказывала – она приехала из Соликамска, забрала ребят-мальчишек. Они же маленькие ещё были. А мама же постарше их. Мама с 1906 года, а дядя Витя с 1911 – на пять лет, считай. А дядя Толь – вообще с 1914, мама, значит,

его на восемь лет старше, да? Вот она их забрала, этих ребят, с собой, сюда приехала. Так вот, мы, говорит, ходили по городу, и много было пустых квартир...

Да-да, вы говорили...

Вот, и они заняли, они зашли: «Кто хозяйка?» – нету хозяйки... «А кто хозяйка? – Да вот, хозяйка тут какая-то должна быть...» И мы, говорит, заняли эту большую комнату. Ни часов, ни столов, ничего не было.

Потом, да, потихонечку...?

Палку поставят: дома никого нет.

Понятно...

Уйдут... в школу бегали ребятки.

А у Вас подружки были в школе, у которых родители погибли?

Были такие дети.

Были дети?

Детям таким... детям давали дополнительные как бы бирки на питание какое-то.

На питание, на одежду, наверное?

На одежду давали им, и вообще им поблажки были, таким детям.

Но это как – Вами воспринималось тогда нормально, как само собой разумеющееся?

Зависть, конечно, была. Что ты думаешь? Конечно, зависть!

Вы же тоже тогда говорили, что у Вас отец погиб в Испании?

Да, да, я тоже говорила. Но это я уже попозднее говорила, что он в Испании погиб, когда я про Испанию узнала. А так нас спрашивали: «Где ваш отец? – На войне погиб». Всё. В школе верили.

Но почему-то бирки не давали.

Ну, мне-то давали.

Дополнительные, я имею в виду.

Дополнительные-то не давали.

Понятно.

А что-то им давали, выделяли... вот валенки им выделяли, давали на пальто, что-то, помню, их одевали вот так вот, тех детей. Ну, про нас-то, наверное, учителя-то знали, это мы только так, между ребятами говорили так. Скажешь, а учительница-то про себя, наверное, знала, какие мы дети были. Не говорили же об этом никогда никто вслух, боялись... Но вон я позавчера где-то встретилась, так, говорит, в 1972 году кого-то арестовали.

Что в 1972?

Что кого-то здесь вот... Где-то я была в компании, и кто-то рассказывал. Говорит: да в 1972 году ещё арестовали.

За что?

Не знаю. Ну, вот так вот, по политическим каким-то...

А! Ну, это понятно. А вот тоже читая различные воспоминания людей или учебники истории – там тоже где-то пишется о том, что после окончания войны люди как-то немножко вдохнули свободнее, и появилось какое-то желание... ну, каких-то перемен. Я имею в виду...

Надежда, надежда!

...и такая надежда, что сейчас всё будет не так жёстко, как было до войны. Имеется в виду – ну вот как власть держала, да? И во многом эта надежда привносилась вот этими солдатами, которые возвращались с фронта...

Нет, это, слушай, я тебе сейчас... Вот сейчас я понимаю, что это было... Все же любили очень Сталина. Любили Калинина. А Калинин же постоянно выступал по радио. Он всё говорил – вот кого-то восхваляли, говорили вот, о ком-то рассказывали, вот такие вещи... И потом, все надеялись на то, что Сталин выиграл войну – значит, сейчас и жизнь будет лучше. Сейчас пойдёт всё строительство, появятся какие-то деньги. А раз на

стройки люди пойдут, значит, деньги же будут. Вот эти все эвакуированные предприятия уедут, в городе будет свободнее, значит, будет больше работы для самих людей. Потом, возвращались... раз у кого-то мужики возвращались, появились уже дрова... Можно было легче купить дрова, лес уже привозили сюда. Понимаешь? Уже мужики на возах... на лошадях же привозили. Уже возы прямо дровами возили, поленьями... этими, брёвнами! Не поленья, а брёвна уже возили. Уже дрова появились в брёвнах. Уже потом пилили. Ходили, пилили – вот именно вот ходили мужики пилили по дворам. С пилами ходили, нанимались, пилили дрова.

Ну и кололи, наверное?

Кóзлы строили... Да, колоть-то кололи когда сами, когда кто как нанимал. Уже могли люди нанять. Значит, что-то появились... оклады побольше, видимо.

Ну, Вы сейчас говорите прежде всего о каком-то материальном аспекте. Я имел в виду...

О моральном?

...ощущении, да. **Что «ну, вот сейчас будет как-то, ну, немножко полегче»...**

Защитники появились, мужики. Уж у кого отцы, так: «А папа, у меня папа, у меня папа! Я папе скажу!»

Это Вы уже слышали?

Это я слышала, уже были такие. «А я папе скажу!»

А взрослые вот не говорили о том, что «ну, вот сейчас вот наступит... сейчас вот легче будет, сейчас никаких...» Ну, про репрессии-то, наверное, не говорили?

Не говорили. Война закончилась, значит, хлеб повезут уже не на войну, а на продажу.

На продажу?

Да, уже хлеба (*нрзб*).

То есть, прежде всего, такие были предчувствия, прежде всего, такого материального... О повышении материального благополучия?

Только, да, что люди наконец-то наедятся. Разрешали, вот, эти огороды заводили уже тогда люди. Выделили земли, мы уже ездили. У нас даже... Мы даже, по-моему, здесь где-то картошку сажали. Какой-то участок, кто-то нам дал полведра картошки, и мы сажали где-то картошку. Ну, это я только так, смутно очень помню. Но помню, что мы сажали где-то картошку.

А где-нибудь видели, у кого?.. Вообще, вот бывали в гостях у своих подруг в школе?

Нет.

Почему?

Только во дворе. Не было принято тогда это. Единственный-единственный раз нас попросили (*нрзб*) Мучникова, я забыла, как ее зовут, сейчас. Мучникова, Мучникова... Забыла. И нас попросила учительница к ней сходить. Она жила... Я же училась в школе на Советской, вторая школа у нас была. Старое здание. Угол Комсомольского проспекта и Сибирской, вот эта школа была. Сейчас там дом пионеров, что ли, этого района. Вот это была наша школа. Так мы пошли к ней, навестить ее. Несколько человек. Так нас поразило что? Чай пили из чайных чашек и с блюдечками хорошими, красивый сервиз. И было какое-то масло сливочное. И нас угощали чаем, хлеб с маслом с сахаром. Знаешь, вот, намажут маслом, песок макнешь, прилипнет. Вот, это было очень вкусно. Вот это помню. Мучникова. И мы всё говорили: «А, так она раз Мучникова, у нее муки много». Поэтому у неё вот и чай попили с хлебом с девочками, с подружками (*нрзб*).

Но Вы увидели, что есть семьи, которые вот живут все-таки лучше?

Да, живут лучше. Да, так в классе много девочек было хороших, которые жили хорошо. У некоторых девочек были пальто с меховыми воротниками. У нас же были санитары в классе. Вот в дверях стоишь, и санитар тебя... Почему мы переодевались в

классе, я не знаю. Приходили в пальто, и вот пальто на парте, и, помню, все смотрели вшей в голове, смотрели уши, смотрели воротнички.

Это санитары всё делали?

Да.

И руки смотрели?..

И руки смотрели, чтоб чистые были, да. И вот девочка была у нас в классе, я сейчас не помню её, она ходила, у нее был пушистый меховой воротник. Так всегда санитары в её воротничке смотрят: «Нет ли там чего в воротничке?» Ну так, шутили, что «посмотрим её волосики». Не помню, как эту девочку звали уже. Ну, хорошо одевались эти, формы у них были шерстяные. У нас же хлопчатобумажные были формы. А там шерстяные формы у девочек. Шелковые фартучки были у некоторых. Были люди, которые жили хорошо.

Ну, я думаю, это не потому, что они там как-то ловчили и прочее, просто работали родители, так что у них...

Условия, условия жизни.

...условия жизни были несколько лучше.

Да. Вот две сестренки у нас в школе. Вот, в нашем классе училась... Я уже забыла их имена. (*нрзб*) еще помнила. В нашем классе училась девочка, у неё сестра. Вот, они прямо по школе, женская же школа-то была, выделялись эти девочки. Они всегда были хорошо одеты, красиво заплетены косы, ленточки в косах у них. Какие-то все аккуратные такие девочки, ухоженные. Так, вот эта сестренка, которая в нашем классе училась: «Бабушка... У нас бабушка даже маленькую дырочку заштопает». Помню такой разговор был. Маленькую дырочку! Нитки, значит, у нее были. А у нас и ниток не было. У нас и ниток не было! Что-нибудь зашить надо, бегаешь: «Теть...» Я забыла, как её звали. «У Вас есть нитки белые? У Вас есть нитки черные? Дайте зашить там...» Пуговицу пришить да петельку.

А где-то у кого-то когда-нибудь, слышали...

Иголки тоже были, иголок не было в продаже.

Солдаты привозили трофеи с войны.

Да, да, слышала это я.

Не видели никогда, что это вот привезено из Германии?

Да нет. Вот был случай: мы шли по улице – то ли бабушка когда-то нас вела, то ли чего мы шли? – идёт дама в розовом платье. Розовое, красивое такое, подпоясанное. Бабушка говорит: «Надо же, в ночных рубашках ходят». Трофеи, видимо, были. Привозили ночные рубашки и думали, что это платье. Вот это я помню, как сейчас помню, такая дама красивая, волосы такие – раньше делали такие причёски, завивочки такие были. Заколото чем-нибудь, и такое... как-нибудь так вот, да... Вот старинные фотографии артистов видел? Вот причёски у них красивые. Вот в такой причёске идёт, светленькая, в розовом таком платье, тут всякие кружавчики, безрукавое, поясочек такой длинный. Ночная сорочка. Шёлковая. (*смеётся*)

То есть это мы сейчас знаем, что это ночная сорочка?

Да, да, да. Обыкновенная сорочка. А думали, что это платье. Покупали как платье.

А какие-то патефоны там...?

Патефоны были, но не у всех. Если у кого и был патефон, это были богатые люди. У нас я впервые увидела патефон, когда мы уехали, в Никулино уехали. Там отмечался какой-то праздник... Косьва-река. И помню, на Косьву мы... не на Косьву пошли, а залив называется... вот такие вот, знаешь, залив бывает, когда идёт весна, а потом немножко вода отходит, и вот это место затопленное такое...

Ну, отмель такая, да?

Да. Так вот на этом заливе как раз праздник какой-то был. И вот у одного жителя в деревне был патефон. И он с этим патефоном... Небольшой такой, видимо, импортный какой-то, маленький... И вот он с этим патефоном пришёл на берег, и все тащили, у кого по пластинке... тут и плясали, тут и танцевали, тут и крутили этот патефон. А потом уже,

когда мы приехали... уже наверное... я в пятьдесят... я уж не помню... У нас тоже был патефон, мы жили уже, снимали квартиру – так я уже работала, значит. Я уже уехала в Соликамск работать, мама остались со Славкой здесь и с сестрой, с Нелей, – вот они купили патефон. Первый патефон. Мы тоже без конца его накручивали. Проигрывали пластинки.

Но это уже патефоны наши, отечественные, да? Вот в Молотове, у нас же, в городе Перми делали патефоны?

Угу, Красные казармы.

Да, да, да...

Нет, «Красный партизан», «Красный партизан»!

Молотовский патефонный завод, он был такой. Я видел такие патефоны.

Да? А я нет. Я не помню. Я не помню, как у нас он выглядел, знаю, что патефон был. Хороший патефон был. Куда делся он?

Вообще, война – она на людей, которые никогда её не видели, жили в Перми (тогда Молотов ведь ещё был)...

Молотов.

...война – её долго помнили люди?

Долго.

Как вы думаете, вот до какого года – когда уже всё, отошло на второй план, это точно на второй план, и когда уже думали о чём-то другом? Какая-то тема уже другая? Вот до какого примерно срока? Когда влияние войны, какие-то отдельные моменты... ну вот знаете, вот кто-то ходит в военной гимнастёрке...

Ну, часто говорили: «до войны», «после войны». Вот эта вот фраза всегда была. Вот это было до войны, вот это – после войны. А потом стали говорить: «в сорок шестом», «в сорок восьмом».

Вот когда это произошло?

Это уже позднее, это я училась уже в училище. Это в 1950-х годах уже перестали говорить, да.

В первой половине 1950-х?

Ну, в 1951 году я поступила в педучилище-то, первая половина, значит, пятидесятых годов. Там перестали как-то... военной тематики касаться... праздники мы отмечали – как мы отмечали: День Победы – как его отмечали? Его не отмечали так, чтобы уж праздновать.

Девятое Мая-то – он появился достаточно поздно...

Позднее, позднее намного, да, не было такого, чтоб отмечали День Победы. Просто вот пели песни. «Дня Победы» песни тоже не было. О победе никаких песен... Пели песни всё о Сталине. Все песни о Сталине. Вот была очень такая... вот совершенно забыла... и нет у меня нигде её слов... «Трубка». Песня о Сталине. Я её так напевала хорошо, всю её от начала до конца знала. Вот это была типа военных лет песня. Вот эту песню очень долго пели. Я уже работала в детском доме – всё ещё её пела, эту песню... Ни одного слова не помню. Знаю, что он выходит с трубкой. И, значит, там смотрит карту, там что-то о войне... Вот такое вот. Потом стали появляться книги. Я даже не знаю, когда перестали говорить о войне, о войне всегда говорили.

Да? О войне как говорили люди, которые на войне не...?

Кто-то у кого-то погиб, у кого-то, кто-то замуж не мог выйти из девчонок, из женщин. Вот она – старая дева. Ну, как же ведь не быть старой девой? У неё жених погиб. Вот. У нас на улице, на нашем квартале, очень много, по-моему, погибло людей. Военных. Да вот, было, говорили, что вот у неё отец погиб, а там вот у кого-то брат погиб. Вот такие вот фразы слышали. Мы же бегаем, играем. Потом слепые заходили. Вот, ослепли вроде на войне. Потом ходили нищие. Очень же много нищих было. Нищие так и ездили по электричкам, по трамваям. Едешь – и какой-нибудь или хромой, или безногий, или с

одной ногой стоит, с костылями, играет или песни поёт с шапкой. Это очень долго было, это очень долго было. Долго нищие ходили такие. Военные.

Но им помогали, да?

Ну, бросали, у кого что есть. Кто хлеба...

А они как – с орденами были?

Бывало, что и с орденами. В гимнастёрке какой-нибудь, или вот такие шапки ещё, будёновки (военный головной убор периода гражданской войны – прим. Р. Л.) были долго.

Будёновки даже?

В будёновках долго ходили люди. Со звездой. Такая вот... уши потому что закрывала... будёновка. Потом шапки-ушанки эти долго сохраняли со звёздочкой.

Армейские, да?

Да. Звёздочки нет – видно, что тут звёздочка была. Вот. Потом одевали вот эти вот галифе, штаны такие были. Они тоже долго были на людях. Их долго носили... такие – в сапоги узко, а тут широко... Вот. Потом эти синие галифе у милиции (*нрзб*) сохранялись. Милиция ходила в синих галифе. Долго это было. Это всё напоминало войну. Потом демонстрации вот были. Седьмого ноября выходили на демонстрацию и Первого мая. Военной тематики я не помню вообще-то, не помню. Урожай всё. Ещё делали такие флаги, красные гвоздики и типа... делали, знаешь, очень много из папье-маше таких как бы макетов типа урожая, что стала жизнь лучше. Большого там. Виноград, яблоки, какие-то урожайные колосья.

Которых Вы на самом деле не видели?

Ничего мы не видели.

Но при этом делалось?

Ну, когда... Демонстрации же были очень красивые. Это ж такое было... красочные такие... Типа карнавалов сейчас, да?

Да, но на которых надо было быть обязательно?

Обязательно, обязательно. Если ты не придёшь, тебе минус за поведение ставили в училище, помню. Да. Стипендии лишали – «ты не была». Обязательно ходили все. Вот мне купили туфли первый раз, хорошие красивые туфли, чешские. Появились чешские туфли.

Это в каком году?

Это было уже... На третьем курсе я училась, считай, 1952, 1953, 1954 год. (*нрзб*).

Да, ничего страшного.

Так ты меня это вот пытаешь для чего? (*нрзб*) делаешь?

Нет, я просто хочу на самом деле понять, какая была обстановка в Перми глазами живых свидетелей?

А потом где это будет что-то как-то бы?

Ну, наверное, будет книжка какая-нибудь.

Хочешь работать? Надо, правильно. Поступил что ли в аспирантуру?

Нет-нет-нет. Никуда я не поступил, но...

Поступишь, может быть.

Сведения, конечно...

Ну, это конечно интересно. Вот, многих можно спрашивать, кто еще сообщает, у кого еще не большой склероз. А кого склероз... Вот, у меня ведь такая хорошая дама, но она не хочет давать воспоминания. Петрова Юлия Павловна. Она так много... Она же была уже в комсомольском возрасте, взрослой, в школе училась. Братья её, все четыре брата, ушли на фронт. И все погибли.

Все, какие?

Конечно.

А Вы когда с ней познакомились, только когда уже (*нрзб*)?

Нет, она, знаешь... Её мама с моей мамой была в лагере.

А! Да-да, Вы говорили.

Вот, я рассказывала, да? Вот. Мы так вот и познакомились. Когда приехали в 1946 году, она нас ещё подкармливала, вот. Потому что приглашала в гости, мы соберёмся и идём туда всей оравой, а у них дом свой. Её раньше выпустили.

А почему они лучше немножко жили?

Её раньше из тюрьмы потому что выпустили. Ребята когда погибли, трое сыновей, трое и один приёмный. Один приёмный сын был. А двое... Трое своих были парней. Вот они все погибли на фронте, и о ней дети стали хлопотать. Родственники стали хлопотать, чтобы маму выпустили. Её прямо из зоны, она не жила на поселении нисколько, сразу её как освободили, сразу она приехала домой.

И ей разрешили жить в Перми?

Да. Классно она жила, как мать героев. Как мать героев, мальчишек. И вот они, у них же свой частный дом в Мотовилихе (название района – прим. Р. Л.) на второй Вышке (название микрорайона – прим. Р. Л.). Там такие... Я не знаю, как там по Вышкам сейчас. Огород большой. Ну, они сажали всё вот они нас подкармливали, помню. Потом, я же была... меня отправляли в лесную школу... там лагерь был такой... сейчас как лагерь пионерский, да? тогда санаторий был. Лесная школа (*нрзб*) в Мотовилихе. Вот там меня ещё подкармливали хорошо. Хлеб я прятала этот в наволочки.

Кстати, а вот летом, Вы же говорили, что Вас отправляли в пионерские лагеря, да?

Летом это уже когда мы жили... да, в пионерские... да, и здесь были мы в пионерском лагере. Были, на Загарье.

Бесплатно путёвки давали?

Да, наверное, бесплатно маме давали. Да, бесплатно. У нас много же было детей, трое.

И поэтому помогали, да?

Ну, две путёвки дадут... Брат, по-моему, у нас не был в лагере с нами.

А так что летом ещё делали?

Мы? Дети? А мы что? Я много читала. У меня... Бабушка всегда мне выписывала «Пионерскую правду». Я читала эту газету. Играли в куклы. Кукол не было, мы кукол сами шили.

Да, малюсенькие какие-то?

Да, мы собирались с подружками, с девочками из двора у кого-нибудь на окне...

А в войну играли вообще?

В войну – вот... мы же жили в Казахстане во время войны. Да, я тоже шила себе куколку там. Куколка была шитая, у меня мишка был – я выиграла мишку маленького белого. Был какой-то праздник, и вот эту вертушку, первый раз я лотерею видела... то ли десять копеек, то ли рубль, я не помню с деньгами... У меня почему-то была эта монетка или денежка какая-то, и я выиграла мишку – надо же! Вот с этим мишкой играла.

Нет, а вот мальчики, например...?

Мальчишки строгаи всё время. У мальчишек были кинжалы какие-то, пистолеты деревянные, деревянные коньки, потом вот эта загибулька... Мы за машинами бегали зимой. Вот если проезжала машина грузовая, зацепимся, и это наше удовольствие было. Были колёса какие-то железные, колёса гоняли по асфальту. Кое у кого велосипеды были.

А вот это влияние войны – может быть, оно тоже на детские игры как-то?

В войну не играли. Я не помню, чтоб мы в войну играли. Мы играли в «сыщики-разбойники», мы играли в лапту, мы играли в чикало, мы играли в «попробуй догони», какие-то ещё свечи. У нас много было игр. С мячом, в основном.

Я прошу прощения, а вот...

Палочками играли.

Нет, а вот такие вот ругательства типа «фашист», там, и так далее...

Нет. «Жид» вот только помню, единственное вот это, обзывали жидом. «Ах, ты (нрзб) как жид!»

Это если ты что-то не хотел давать? Или делиться?

Да. Или делиться или что-нибудь скажешь там. «Ну, жидовка!» – обзовут, или «ну, жид по веревочке бежит!» А, и ответ: «Жид! Ты сам жид, по веревочке бежит! Верёвочка порвётся – жид об... это, что-то там... такая поговорка». Вчера же её вспоминали, хохотали. А так, чтобы татар, вот чтоб татар или, там, татарин – да не говорили... Помню, были нацмены. Это самое было страшное обзывание. «А ты нацмен!» Нацмены.

Национальные меньшинства.

Значит, да, видимо, вот: «А нацмен ты!», вот. «Нацменка».

(нрзб)

Обзывали. Ну, вот если рассердятся на кого-нибудь или: «А, да они нацмены!», вот так вот. Это взрослые говорили. А дети тоже: «Ты нацменка!» или «Ты нацмен!» Вот обзывания были такие.

Но ведь город Пермь был многонациональный город, тем более что в годы войны у нас ведь здесь появились немцы...

Ну, вот это были ругательские слова такие, да.

...немцы, поляки, литовцы, украинцы...

Но они не в городе, в городе их не было. В городе не было таких.

То есть это были они...?

Да, да, где-нибудь за городом. Ведь такие люди стали появляться, только когда мы начали учиться. Даже вот я уехала в педучилище учиться, а мальчишки наши – татары и вот эти вот, со мной которые в школе учились в Никулино – они ведь... им не разрешили в город поступать. Они все пошли в десятилетку, в Добрянке заканчивали. Платная тогда школа оказалась.

Это дети спецпереселенцев?

Да. Да

Выселенных по национальному признаку?

Да. Они закончили десять классов многие. В техникумы... редко кто в техникум поступил. Вот в авиационный у нас поступил Пяты́й Юра, Львов... а Гришка Робус куда делся, даже не знаю. А Азету Мистафаеву не разрешили – он татарин. Ему не разрешили.

Крымский татарин, да?

Да. Ему не разрешили, и вот он заканчивал десятилетку.

То есть здесь в национальном плане Пермь была почти чисто русская, да?

Да, закрытый был город совершенно. Так я даже вот в 1966 году – в 1966 году поехала... я рассказывала тебе, да?

Да-да-да.

...там спрашивали: «В какой это области?» Смех ведь? В Казани живёт, рядышком, друг мой – спросил: «А где это, какая область?» Анекдот! Я говорю: «Ты что, карту не знаешь?»

(смеётся)

Так вот. А может, на карте и не было Перми.

Нет, на карте она была, просто действительно...

Закрытый город был, закрытый совершенно.

Мне даже рассказывали не так давно байку, что когда проезжали поезда по Перми – транзитный же город, – то даже вагоновожатые, проводники закрывали шторками окна, когда состав проезжал по Перми.

А может быть. Закрыты окна были. Шторками, да.

Вот это байка или не байка?

Не байка, на самом деле окна всегда были зашторены. Мы никогда не видели. Мы же тут бегали, играли. Мы же жили у Камы. Там же железная дорога внизу. Часто стоишь

вот... Пассажирские поезда почему-то проходили всегда ночью. А днём в основном товарняк шёл.

Вот это во многом связано, видимо, с тем, что закрытый город.

Да, да, закрытый город был совершенно. Поэтому и было тут хорошо, тихо, спокойно.

А, Вы считаете, что во многом было хорошо, и тихо, и спокойно?

...тихо, что он был закрытый город, конечно. Не всякому разрешалось, не всякий тут прописан. А потом ещё было же правило: вот если ты не работаешь месяц – ага, ты безработный, ты уже в милиции на учёте. В течение месяца ты, вот если ты ушёл с какой-то работы, тебя выгнали, или ты ушёл, или ты безработный – ты не должен быть безработным. Обязательно надо было устроиться на работу в течение месяца. Штрафовали за это. И выселяли, по-моему, из города. Которые не хотели работать... Не работали только нищие старые. Старые нищие. Молодых нищих не было. И вот инвалиды... эти, калеки. Калеки. Калеки, мы их называли калеками. А таких нищих, чтобы дети были нищие или ещё кто-то, мы не видели. Вот только когда в церковь приходили, но там уже, конечно, были... Так там и мы могли постоять с ладошкой – тебе подадут. Там хоть кому дадут.

А что, стояли с ладошкой?

Здесь нет, а в Никулино стояли. Но там церкви не было. А праздники вот такие есть... как это... после Нового-то года... Какой праздник-то у нас? Крещение?

Рождество?

Вот в Рождество... Святки, Святки! Вот в Святки мы бегали по домам. Но там деревня, так конечно они меня все приучили к себе, ребята: «Пойдём славить!» – «Пойдём славить!» Наславишь... наславим со Славкой денег, пойдём, купим конфет. Семечки покупали. Семечки покупали, конфеты покупали на эти деньги, на славленные. «Славить» называлось. «Славите, славите, вы меня не знаете, (*нрзб*), дай-ка мне-ка пятачок!» Такую песенку...

Ещё раз ну-ка!

«Славите, славите, вы меня не знаете. Я Савоськин паренчок, дайте мне-ка пятачок!»

То есть маленькую денежку, да?

Да. Ну, присказки там всякие такие были. В деревне научили. Интересно же было. Мы же из города.

И вот Вы сказали, что в деревне-то практически не было, да, (*нрзб*) вот таких, вернувшихся с войны?

Я не помню таких.

Понятно.

Если где появился военный – ну, бывший – или военный, или там мужик... Все, все жили хорошо. Дом, забор новый, забор высокий, огород вспахатый.

А вот ещё, кстати, по поводу квартиры на Советской: а Вы помните тоже расположение, вот как что располагалось, когда Вы жили уже на Советской, то есть когда Вы вернулись из Никулино снова в Пермь?

Ну, мы же жили тогда у бабушки. Вот у бабушки.

А здесь же тоже у бабушки жили?

Ну да. Я тебе хочу сказать, что сестра работала, брат... я тебе тут рисовала. Вот так вот было окно... Двор, ломбард. Двор ломбарда. Столовая этой... администрации областной. Вот тут стена вот эта всё ещё сохранилась. Был барак, такой большой длинный барак. В бараке была вот эта комната, которую мы поменяли, вот тут жила...

А Вы рисуйте, рисуйте!

Барак-то? Вот тут барак, а там комнату нарисовала.

Сверху, да – знаете, как планы квартир рисуют. Дом нарисуйте.

Ну, давай. Вот тут двери были. Вот тут жили... вот тут сразу квартира. Такой вот тут вот закуток, тут вот туалет общий был, да? Здесь коридор, вот так вот вдоль стенки коридор... вот так, это всё барак. Тут вот эта комната, которую мы поменяли. Вот, большая была, первая дверь. Теперь здесь жили...

То есть у Вас в конце коридора была большая...?

Была, была большая, вот она выходила большим окном на улицу. На Коммунистическую. Вот, это такой барак был. Теперь, значит, тут Макаровы жили. Вот тут Макаровы, у них было две комнаты. Две. Так заходишь – комнаты две. Тут... а, так мало, вот, побольше, значит... две комнаты вот так вот у них были, да? Вот это две комнатки ихние были... Тут жила Распутиха.

Как?

Распутиха – так мы её и звали, Распутиха, она стирала по магазинам халаты, полотенца стирала. У неё вот... стирала – запах: «А, Распутиха опять стирает!» Нашатырным спиртом она стирала, мыла хозяйственного пачку ей давали. Ой, ужасный запах был. Вот тут жила Распутиха, тут её комната была. Такая...

Она одна, что ли, жила?

Одна она. Там у неё печка была хорошая, большая, и вот она на печке кипятила это всё. Клей туда наливала, да чего да... Ну, это вот тут её комната... Тут сразу же выход... ну, в коридор вот в этот... вот тут дверь такая. За Распутихой сразу дверь была, да? Выход, и тут туалеты. Один туалет общий. А тут сразу квартира... Тут жил мальчишка, отец у него был, и мать у него была. Пьяницы они были, и мальчишка этот, шпана, потом плохо кончил... Тут стена сразу, так? Тут вход...

Но вот в большой-то комнате Вы жили – там как, с мебелью было уже лучше?

Ну, это уже гардероб переехал.

Так.

Там была ширма какая-то, за ширмой была большая кровать с топчаном. Вот когда мы... мама приезжала, мы там все спали. А когда мамы не было, там Герка спал. А тут была бабушкина кровать, тут стоял сундук большой, на сундуке я спала. А где Неля-то спала? На полу, наверное. Кто-то на полу спал. Стол так же стоял у окна, тут же стул тоже так же был. Тут гардероб вот был.

Ну, во многом повторяла, да?

Ну, то же самое, та же самая мебель, эта же мебель переехала...

Да-да-да, конечно...

...два стула, две табуретки...

И вот Вы жили здесь, на Советской, сколько? С какого времени по какое?

Здесь я первый курс закончила и второй, наверное, полгода... А на втором курсе...

Это то есть какие года?

Это 1951, 1952, 1953, наверное. До Нового года 1953. А в 1953 году у Нели была подружка, жила вот напротив, на Двадцать пятого октября, где техникум авиационный. Тут были дома такие двухэтажные, и она пригласила нас жить у неё. Там целую комнатку нам выделили, мы там пожили. С Нелей вдвоём, с сестрой. Я не знаю – то ли Герка, то ли... А, тётя Нина, наверное, из тюрьмы пришла в это время, поэтому мы туда ушли. Но пока тётя Нина тут обжилась, Герка, тётя Зина, бабушка жили втроём. Так вот эта комната вот тут у нас была. Вот потом, значит, жила артистка, тут вот артистка, маленькая комнатка у неё с одним окном. Потом вот эта маленькая комнатка наша, вот эта маленькая комнатка с одним окном. Тут так была большая кровать, комод...

Это в этом же доме, в этом же бараке?

В этом же бараке. Вот тут комод стоял. Между кроватью и окном. А над кроватью, как-то было над кроватью придумано – стоял приёмник тут вот. Над кроватью какая-то как бы полка была сделана, и стоял там этот... приёмник стоял. Герка уже, видимо, приобрёл приёмник. Тыкали и ловили радио всякое. Ну, эти, сигналы. Так. А тут, значит,

комод стоял, так? И стол посередине, около окна стол, длинный он был, и тут чуть ли не по три стула вставало. И тут табуретка была одна. Тут была печка. Между комодом и печкой тоже стояла кровать. Вот. На этой кровати...

Всё заставлено было?

Всё тут, всё буквально! А гардероб стоял вот здесь.

Свободного пространства-то практически не было?

Не было. Пространство было такое: стелили на пол старые пальто, да что да, и ложились спать. Все, кто не помещался на кроватях, спали на полу. Так пройти к кровати вместе с теми, кто...

Надо было по телам?

Надо: «Отодвинься, я пройду!» В туалет вот когда ночью кто – бабушка или тётя Нина – вставали, так надо было...

А вот об этом положении как-то говорилось, или это было уже нормально?

Никто не страдал. Ничего, всё нормально. Единственно мечтали... мама всегда мечтала, говорит: «Ой, доживём ли мы до того времени, когда у нас будут белые простыни?» На белой простыни спать и белой простынью укрываться...

Ну, это она просто помнила дореволюционное время?

Да, да...

Ну, или довоенное?

До ареста. Ну, когда с отцом (*нрзб*). Вот, теперь тут жили... тут тоже у них как бы две комнатки было... Чеснокова Ритка жила. У них была побольше комнатка и тут как бы маленькая комнатка вместе с кухней. Вот и всё, и вся квартира. Раз, две, три, четыре, пять, шесть, семь. Семь человек...

Семь семей?

Семь семей жило в бараке. В этом. Во дворе. На задах конфетной фабрики. Вот там мы жили.

Это вот где-то...?

ЦУМ.

То есть Вы уехали, переехали с Нелей-то, а потом уже не возвращались на Советскую, да?

Нет, тут уже... Потом барак снесли. Потом, когда мы... я уехала работать в Соликамск, мама тут ещё... Мама же снимали, квартиру уже снимали, здесь уже появилась возможность, мама уже работала... Уже мы снимали, квартир много снимали, три... четыре... четыре квартиры мы снимали. Вот, сменяли. И потом дали нам в 1957 году квартиру. (*нрзб*) из квартиры, в 1957 дали, через двадцать лет.

Через двадцать лет, да?

Комнату. Тоже подселение. Тоже там... это... Советская, 76. Тоже конфетная фабрика, напротив конфетной фабрики бараки. То есть во дворе. Там несколько домиков было, и там наш в глубине дом. Тоже была комната такая вот. Такая длинная комната была... Посередине стояла круглая печка.

Да-да-да.

За печкой была кровать, (*показывает руками*) тут дверь. Тут так – стеночка.

С какого по какой год, ещё раз?

С 1957 по 1963. По 1963 мы тут жили.

Вот. Такая стенка, тут кровать (*показывает руками*), значит, за стенкой. Тут вот русская печка, то есть это круглая печка... Так... Тут сразу стол... вот тут стол... тут табуретка стояла... Тут была, когда Неля была дома, она ещё не вышла замуж, тут мы с ней на кровати, железная кровать тоже была, тут кровать, и тут была кровать, а тут мы купили диван, когда дали квартиру. Называлось «оттоманка». С такими подушками. Три подушки, такие круглые вот такие штуки, боковинки, да... (*нрзб*) стояла этажерка. И всё. Больше ничего не было. Тут стул стоял, тут окно. Одно окно.

В общем, я увидел, что на самом деле такой чрезвычайно...

Нищий. Очень компактный.

...да, и вот чисто утилитарные вещи...

Самое необходимое, самое необходимое. Помню, парень из армии пришёл ко мне. Мы с ним в Соликамске познакомились. «Куда положить спать?» – подружка ко мне пришла спать. Боялись ведь с ребятами-то оставаться вдвоём! «Куда Ваньку положить?» Кровати уже не было, вот эта кровать только была. И диван.

И как вышли из ситуации?

А как мы вышли? А что, почему на кровати-то никто не спал? Галку, Галку сюда положили! А мы почему-то... Я не знаю, кто на кровати-то спал! Славка, что ли, дома был? Брат, что ли? Брат, наверное, ещё жил с нами.

А куда положили солдата?

А на пол мы с ним легли.

Да?

Да. Просто так. Простынь ему, простынь мне (*смеётся*). Вот такие были хорошие мальчики и девочки. Ничего даже не баловались, ничего даже не обнимались, даже не лезли друг к другу. Представляешь, как хорошо? Всю ночь, мы всю ночь с ним проболтали. Он мне тихонечко, шёпотом рассказывал, как он служил в армии. Дедовщины не было. Он хорошо отслужил в армии. Финн, мальчик-финн.

Это уже 1950-е годы, да?

Да, это... Нет, это уже был 1960 год. Из армии он пришёл. 1959, наверное, был год. Да, 1959 год.

Ну, вот, наверное, пока и всё.

Хватит?

Спасибо вам.